

Николай Соколов

САКИ

Книга вторая
исторического романа «Скифы»

Николай Васильевич Соколов
Саки. Книга вторая
исторического
романа «Скифы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22142893
ISBN 9785448347474

Аннотация

Во второй книге исторического романа «Скифы» рассказывается о начале скифо-персидской войны. В 519 году до нашей эры персидские войска вторглись в скифские земли и перешли реку Аракс. После смерти царицы массагетов Томирис, разгромившей в 530 году до нашей эры войска Кира, персидская знать решила, что настал подходящий момент подчинить сакские племена.

Содержание

ПРОЛОГ	8
АВХАТЫ	12
схолия четвертая	12
Глава первая	13
Глава вторая	22
Глава третья	31
Глава четвертая	40
Глава пятая	50
Глава шестая	58
Глава седьмая	68
Глава восьмая	78
Глава девятая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Саки
Книга вторая
исторического
романа «Скифы»

Николай
Васильевич Соколов

© Николай Васильевич Соколов, 2020

ISBN 978-5-4483-4747-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

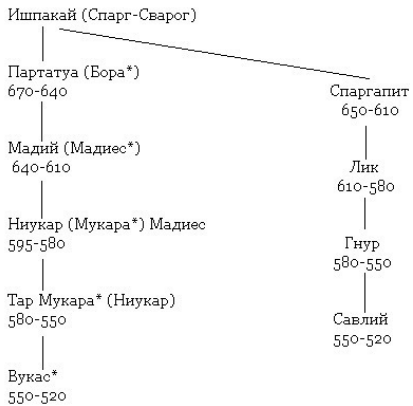

*...Персы ведь всех скифов
зовут саками.*

Геродот

Генеалогическая таблица
Царей главных скифских династий

Скифы северного Кавказа Скифы Причерноморья

*Восстановлено по легендам народов северного Кавказа.
Даты правления приблизительны.

ПРОЛОГ

Сначала они (скифы) жили в очень незначительном количестве, у реки Аракса и были призраемы за свое бесславие...

Диодор Сицилийский, Библиотека 2.43.2

Заклученный с персидским царем Камбисом¹ мирный договор, дал сакам передышку в войне, которая после гибели Кира в 530 году до нашей эры продолжалась почти пять лет. В многочисленных сражениях сакские племена понесли большие потери. Так что обещание восставших мидийцев вернуть захваченные земли Камбисены и Каспианы² облегчало их положение, но не могло воскресить павших в боях воинов.

Именно поэтому царица массагетов Томирис так противилась любой помощи своего племянника Скуна³ сторонникам убитого персидской знатью царя Бардии⁴. Понимая, что любой исход разгоревшейся у соседей междоусобицы при-

¹ Персидский царь в 529 – 522 г. до н. э., сын царя Кира. Здесь и далее примечания автора.

² Области, отошедшие к Мидии по договору заключенному Камбисом перед его походом в Египет. См. на карте названия других областей, племен и т. п.

³ В персидских источниках – Скунха (кун – по-осетински «воспитанник», по-абхазки – ахунха).

⁴ Сводный брат Камбиса, считался сыном Кира.

ведет победителей к возобновлению войны с саками. Слишком опасными и непредсказуемыми казались мидийцам, да и персам свободолюбивые северные племена.

Теперь подобные мысли не давали покоя Скуну. После ссоры с мидийским царем Фраотом⁵, он не стал торопиться на родину, а задержался в Каджене. Алдар⁶ утиев не мог вернуться домой, сознавая, что их помощь терпящим поражение мидийцам может привести к войне с персами. По предложению своих тысячников он решил замирился с царем Дарием, у которого врагов и без саков хватало.

К тому же после гибели Фраота у Скуна неожиданно появилась надежда на возрождение державы Мадия⁷, часть мидийской знати была готова признать его царем. Но с появлением в Каджене ариштартана⁸ Рамбаза сакскому царевичу пришлось отказаться от подобных планов. Мидийский полководец сразу дал понять, что никогда не признает власть Скуна. Хотя он не мог не понимать, что без помощи саков ему будет трудно противостоять персам.

Причиной такой жесткой позиции могло послужить персидское посольство, которое саки беспрепятственно про-

⁵ Внук мидийского царя Астиага, брат Спитака и сводный брат Бардии, его восставшие мидийцы избрали царем.

⁶ Один из титулов вождей скифских племен.

⁷ При нем Скифское царство (библейское царство Ашкуз) достигло наибольшего могущества. Карательные походы в Лидию и Египет, подчинение Маны, Урарту и Мидии.

⁸ Дословно «командующий арийскими воинами».

пустили к царице Томирис. Возможно, Рамбаз не был бы столь категоричен, знай, что та даже откажется разговаривать с персами. Только вернувшийся из Мидии Скун смог убедить ее встретиться с персами и договориться о мире. И то лишь после того, как войска Дария, вытеснив мидийцев из Каджены, вплотную подошли к землям саков.

Томирис приняла персидского посла Интафрена, не скрывая враждебности, но все же обещала не оказывать помощи отступившему в Араксену Рамбазу. После чего посол от имени Дария поклялся жить с саками в мире и не требовать возвращения Каспианы и Камбисены.

Однако когда Интафрен вернулся в Акбатаны, пришло известие, что саки предоставили убежище части сагартиев⁹. Дарий посчитал такие действия нарушением договора и потребовал выдачи беглецов. Но царица массагетов даже не приняла послов, заявив через Скуна, что никого не выдаст, а если хорсары¹⁰ будут настаивать, то и ей придется поинтересоваться происходящим в Персии.

Дерзкое заявление царицы возмутило Дария, но его положение было не настолько прочным, чтобы создавать сейчас лишних врагов. Осенью в Вавилоне опять вспыхнул мятеж – урартиец¹¹ Араха даже осмелился объявить себя Навуходносором Четвертым. Туда пришлось спешно послать Инта-

⁹ Потомки исторических скифов, оставшиеся жить на ассирийских землях.

¹⁰ Так скифы называли персов.

¹¹ В персидской версии Бехистунской надписи он назван армянином.

френа, отдав ему все имеющиеся резервы.

Благодаря мятежу в Вавилонии Рамбазу удалось закрепиться на северо-западе Араксены. Получив поддержку в лице беженцев с юга и объединив часть горских племен, он опять стал представлять серьезную угрозу. Только летом следующего года его войска были окончательно разбиты, а сам полководец погиб. Но появление в верховьях Аракса персов насторожило местные племена, которые, предоставив убежище марам¹², были готовы в любую минуту взяться за оружие.

Не лучше обстояли дела у персов и на востоке страны. Выселенные в Карманию мятежные племена не захотели мириться со своей участью. Пример неповиновения показали сагартии, бежавшие на восток к берегам Инда. Вдогонку им послали войска, несмотря на то что появление там персов могло вызвать войну с индийскими царствами.

Опасным оставалось положение и на западе Персидской державы. Посланный в Каппадокию Ариарамн сообщил, что у него есть все доказательства причастности Орета к убийству Митробата и его сына. Но выступить открыто против сатрапа Лидии Дарий не решился. В Лидию был отправлен Багей, с поручением выяснить планы Орета и настроение персидских воинов, которых там находилось почти пяти тысяч.

¹² Так еще называли мидийцев.

АВХАТЫ

схолия четвертая

...от Липоксауса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев...

Геродот, История 4.6

Глава первая

– Похоже, их уже не догнать! – крикнул Ланхат, поравнявшись с побратимом, ехавшим впереди двух десятков всадников.

Маргус посмотрел на простирившуюся перед ним неприветливо серую степь и придержал коня.

В быстро сгущающихся осенних сумерках продолжать преследование грабителей было бессмысленно и опасно. Авхаты¹³ уже находились в приграничных с траспиями¹⁴ землях и в любую минуту могли нарваться на их военные отряды.

– Да, надо возвращаться, – согласился он с другом, последний раз посмотрев в ту сторону, куда тянулись следы угнанного ворами табуна, и развернул коня.

Сегодня скотокрадам удалось безнаказанно увести с десятков лошадей. Потеря не велика, но беспокоило, что это был не первый случай, и если так пойдет дальше, то к весне они останутся без скота.

Вернувшись из похода в Мидию, Маргус не поддался на уговоры родичей переселиться к ним, а решил обосноваться в родной усадьбе. Ее разрушенные строения ему по-

¹³ В нартском эпосе их называли родом ахсартагката.

¹⁴ Род бората нартского эпоса. Именно их предки главенствовали в Закавказье до поражения от мидийцев.

могли быстро починить, а на следующий год арухский двар¹⁵ Инал обещал вернуть отцовскую землю. Так что жизнь начинала налаживаться. Чего не могли сказать о себе многие его товарищи по мидийскому плену, столкнувшись на родине с безразличием, непониманием или даже неприкрытой враждой. Особенно трудно пришлось тем, кто обзавелся на чужбине семьями. Поэтому Маргус решил не отказывать всем желающим селиться с ним рядом, чему неожиданно воспротивился арухский двар.

– Я не могу позволить, чтобы на нашей земле селились все кому вздумается, – раздраженно заявил он Маргусу. – Земля принадлежит всей общине, и меня могут обвинить, что я плохо отстаиваю интересы своих людей.

– Ты хочешь, чтобы я их прогнал?.. Но им же некуда идти... И что плохого, если наша община станет многолюдней и сильнее. Общая судьба нас сблизила, мы могли бы образовать новый род.

– Да пойми ты! Я обещал тебе вернуть землю, но прежде мне ее придется отобрать у тех, кто сейчас ею пользуется. Как они станут ко мне относиться, узнав, кто на этой земле поселился?

Приведенные Иналом доводы заставили Маргуса всерьез задуматься о судьбе вернувшихся с ним людей. Многим

¹⁵ По-другому тар (фар), глава общины, округи. У горцев восточной Грузии джвари – божества, покровители отдельной местности, а у осетин они назывались дзуарами.

из них на самом деле было некуда податься. Одни вообще не нашли никого из близких родственников, другие были вынуждены покинуть общину, не ужившись там. А человек без рода – изгой, судьба которого незавидна.

– Может, поговорить с другими дварами? – предложил Маргус, обсуждая возникшие трудности с Ланхатом, который первым поселился рядом с побратимом.

– Если уж твой родственник отказал, чего ждать от других, – угрюмо заметил тот. – Я вот что подумал: по нашим обычаям, главы семи родов могут избрать себе двара. А с твоим двоюродным братом Пуладом нас как раз семеро. Так что мы имеем на это полное право. Тогда алдару придется выделить нам землю.

– Нового двара должен утвердить совет. А они никогда не признают за нами такого права, – с сомнением возразил Маргус. – Как ты докажешь, что являешься главой рода, если это не подтвердит твой двор. А он не подтвердит, иначе ему придется вернуть присвоенное имущество и заплатить отступное за землю.

– Я как-то об этом не подумал, – расстроено признался Ланхат. – Ты бы видел, как он меня встретил!..

Однако Маргус все же решил съездить к авхатскому алдару, вспомнив, что перед походом в Мидию тот обещал ему поддержку.

На удивление Патрис сдержал слово. Правда, сразу предупредив, что поможет, если они согласятся поселиться

на Гумской реке у старой крепости. Те земли считались приграничными, и сейчас алдару приходилось держать в крепости сотню воинов, которых и должны были заменить бывшие пленники.

– Но у нас мало мужчин, – заметил озабоченно Маргус.

– Не беспокойся! Думаю, когда ты станешь дваром, недостатка в людях у тебя не будет. Пока же мои дружинники еще на какое-то время там останутся, а как обживетесь – вы их замените.

Условие алдара бывшим пленникам не понравилось, но им пришлось согласиться. Все прекрасно понимали, что это единственный довод, с помощью которого Патрис может получить согласие авхатских дваров. Земли по Гумской реке считались лучшими зимними пастбищами, так что их безопасность была залогом благополучия многих.

Данное обстоятельство в конечном итоге решило исход дела. Двары даже пообещали не препятствовать всем желающим присоединиться к бывшим мидийским пленникам. Но таких оказалось немного, и алдару пришлось оставить половину своих воинов в распоряжении гумского двара.

Только к вечеру следующего дня смертельно усталый Маргус добрался домой, где его ждала еще одна неприятность. За время их отсутствия Уазыр увел почти всех воинов, находившихся в крепости. Они понадобились для укрепления гарнизона Хорской крепости в землях хамихатов, как объяснил десятник Алхас.

– А как же мы?! – возмутился обиженно Маргус. – Ведь нам теперь даже не обеспечить наблюдение за бродами через реку...

– Я ему говорил! – заявил с явной досадой Алхас. – А он выругался и велел не соваться не в свое дело... Да не расстраивайся ты так, что-нибудь придумаем! Давай лучше выпьем, мне из дома молодого вина прислали. Ты такого еще не пробовал. Пьется изумительно!

Но гумскому двару было не до вина. Он решил немедленно ехать к Патрису и требовать возвратить воинов или снять с него ответственность за безопасность границ. Алхасу хорошо говорить – придумаем! Не на него, а на Маргуса будут жаловаться двары, когда их стада понесут урон от набегов. А что так будет, он уже знал по прошлогоднему опыту.

– Как рана Патриса? – поинтересовался гумский двар у десятника.

– Все не заживает, поэтому Уазыр и приезжал. Похоже, ему очень нравится ощущать себя почти алдаром. Приехал – раскричался...

Чувствовалось, что поведение Уазыра сильно задело Алхаса, но ему пришлось стерпеть, так как тот замещал раненого Патриса.

Нынешней весной траспии большими силами напали на приграничные земли авхатов. К счастью, о набеге было заранее известно, и алдар успел собрать воинов и выступить им навстречу. Неожиданное нападение заставило траспиев бро-

свить добычу и спастись бегством. Уже во время преследования одна из стрел угодила Патрису в грудь, пробив доспехи. Ранение показалось неопасным, и все надеялись, что он быстро поправится. Но прошло лето, наступила осень, а рана все не заживала.

«Значит, придется иметь дело с Уазыром», – с огорчением подумалось Маргусу.

Он хорошо знал упрямый характер родственника жены авхатского алдара еще по мидийскому походу и понимал, что убедить того вернуть воинов будет непросто. Но попытаться это сделать гумский двар был обязан.

Рано утром, оставив вместо себя Ланхата, Маргус выехал в Артан. Степные владения авхатов раскинулись широко, и если бы не постоянная угроза со стороны соседей, земли хватило бы на всех даже с избытком. Но так уж устроен мир, что для каждого в нем обязательно найдется враг или, по крайней мере, недоброжелатель.

Вражда между авхатами и траспиями зародилась давно. Вынужденный бежать от мидийцев сын скифского царя Мадия Ниукар считал земли авхатов и их соседей катиаров своими родовыми владениями. Но оба племени думали иначе и признали его власть, только потерпев поражение на поле боя. Да и то вскоре авхатам во главе с Уасби¹⁶ удалось сбросить рабское ярмо, правда, не без помощи из-за Краукасиса.

¹⁶ Или Усиб – герой осетинских сказаний о нартах, побратим Амирани и Бадри – героев грузинского эпоса.

С того времени стычки между авхатами и траспиями стали постоянными, а если иногда прерывались, то ненадолго.

В Артан Маргус приехал на следующий день, ближе к вечеру. Селение, раскинувшееся на пологом склоне невысокой горы, удивило двара необычной для того времени дня тишиной. Его узкие улочки были почти пустынные, а лица редких прохожих выражали явную озабоченность и тревогу. Оказалось, что сегодня утром неожиданно умер Патрис.

Известие о смерти алдара застало Маргуса врасплох. Он даже подумал – стоит ли видеться с Уазыром, которому сегодня явно не до него? Но лошади нужен был отдых, да и ему не помешало бы где-нибудь передохнуть. И гумский двар решил все же зайти к ближайшему родственнику умершего Патриса.

Уазыр принял Маргуса сразу и был явно обрадован его приезду.

– Хорошо, что ты здесь, – перебил он гумского двара, даже не дослушав до конца слов соболезнования. – Я как раз хотел посылать к тебе гонца, а людей и так не осталось. У меня к тебе вот какое дело. Вероятно, скоро нашим соседям станет известно о смерти Патриса, и они могут попытаться этим воспользоваться. Так что тебе надо усилить наблюдение за пограничными землями.

– А как это сделать, если ты увел почти всех воинов? Я, собственно, поэтому поводу и приехал.

– Всем тяжело. Ты думаешь, я из-за своей прихоти за-

брал воинов? Кроме этих проклятых траспиев еще есть исседоны¹⁷, которые последнее время все чаще стали нападать на земли хамихатов¹⁸. А дружина алдара невелика. Мне даже пришлось послать в Хорскую крепость два десятка своих воинов.

– Я понимаю, но с оставшимися у меня людьми не могу поручиться за безопасность пастухов и скота. Ты же знаешь, что поздняя осень время самых опасных набегов.

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать, но позже. А пока обходись своими силами.

Несмотря на очевидную занятость Уазыра, Маргус не удержался, чтобы не спросить, кто займет место умершего алдара. Этот вопрос сейчас волновал гумского двара больше всего. Сын Патриса был еще ребенком и вряд ли станет алдаром. Слишком беспокойные были у авхатов соседи, чтобы двары решились на такой шаг.

– А ты сам как считаешь? – ответил вопросом на вопрос Уазыр, настороженно посмотрев на безногого¹⁹ двара.

– Не знаю!..

– И я тоже не знаю... После похорон Патриса соберемся и будем думать.

¹⁷ Часть скифского племени утиев – эдов, переселившаяся из Закавказья на Северный Кавказ и низовья Волги.

¹⁸ Точнее, амихаты; после разгрома исседонами большая их часть вошла в состав авхатов.

¹⁹ Ему отрезали нос за повторную попытку побега из мидийского плена. Подробнее о нем в первой книге.

Маргус понял, что задал неуместный вопрос. Но одно ему стало ясно – выборы нового алдара будут непростым делом. Хорошо, что они за лето успели отремонтировать крепость и почистить старицу вокруг нее. Теперь их селение оказалось как бы на острове, где можно было укрыться от набегов соседей.

Глава вторая

Вернувшиеся с охоты гости алхонского алдара Таксакиса лишь успели выпить за здоровье хозяина, когда в дверях зала, где они пировали, появилась чем-то взволнованная Бегела. Обычно женщины не присутствовали на подобных застольях, поэтому приход дочери алдара мог быть вызван только чрезвычайными обстоятельствами.

Алхонские двары сделали вид, что не заметили ее появления, но так не могло продолжаться долго. Чтобы избежать неловкого положения, Таксакис решил выяснить у дочери, в чем дело.

– Что случилось? – поинтересовался он раздраженно, подойдя к Бегеле.

– Приехал черный вестник! – едва слышно призналась та и отвернулась, пряча от отца наворачнувшиеся на глазах слезы.

Черными вестниками называли гонцов, извещавших о чьей-либо смерти. Обычно они и одевались во все черное, чтобы дорогой их понапрасну не останавливали.

– Кто? – встревоженно спросил Таксакис, сразу подумав о царице Томирис, которая, как на днях сообщил Скун, опять приболела.

– Патрис...

– Что?! Отчего умер? Что с ним случилось? – стал он спрашивать дочь потрясенный неожиданным известием.

– Как я поняла, Патрис так и не оправился от той полученной еще весной раны. . .

Смерть зятя могла иметь самые серьезные последствия. Его сын слишком мал, чтобы занять место отца, и среди дваров неизбежно вспыхнет борьба за власть, которая могла привести даже к выходу авхатов из союза с массагетами. Такое развитие событий казалось сомнительным, но совсем его исключать алхонский алдар не имел права.

Разговор Таксакиса с дочерью не остался незамеченным. По изменившемуся лицу алдара гости поняли – что-то случилось. Их оживленные разговоры и смех постепенно стихли, и хозяину ничего не оставалось, как рассказать собравшимся о смерти Патриса. После чего торопливо выразив соболезнования, гости начали быстро расходиться.

Оставшись наедине с уже не сдерживающей слез Бегелой, Таксакис вновь пожалел, что боги не дали ему сына. Одни только дочери, которым еще не везет в замужестве. Одна не прожила с мужем и года как он погиб, другой повезло чуть больше, она даже успела порадовать алхонского алдара внуком. И вот теперь Ахус тоже стала вдовой.

– Хватит реветь! И так тошно, – прикрикнул на дочь алдар, нервно расхаживая по залу. – Завтра я отправлюсь на похороны, собери все необходимое в дорогу.

Как не торопился Таксакис быстрее оказаться за Краукасисом²⁰, он все же заехал в Саркан²¹. Ему следовало оконча-

²⁰ В то время так назывался Кавказ.

тельно помириться с царицей Томирис после ссоры, вызванной походом в Мидию, и заручиться ее поддержкой. Ведь могло так случиться, что алхонскому алдару будет не обойтись без применения силы против строптивых авхатских дваров.

Столица Масхеты²² встретила Таксакиса суетливым оживлением. Проезжая шумными улицами города, он вспомнил, что сегодня здесь справляли праздник урожая. Раньше в этот день в Саркан съезжались не только жители окрестных селений, но и вся знать на устраиваемый царицей пир. Но в нынешнем году Томирис нездоровилось, и ее дворец был погружен в необычную для такого праздничного дня тишину.

– Хорошо, что приехал! – признался с озабоченным лицом алдар утиев Скун, встречая гостя у ворот дворцовой крепости. – А то я уже собирался посылать за тобой. Нам нужно многое обсудить. Царица уже дней десять не встает с постели, и я боюсь, это конец.

– А что говорят знахари? – встревоженно спросил Таксакис, слезая с лошади.

– Считают, что у нее что-то с желудком. Дают ей разные травы, но все без толку. Томирис почти ничего не ест. Если так будет продолжаться дальше, она долго не протянет. К тому же у нас возникли серьезные проблемы. До меня дошли слухи, что после примирения с гартманиями многие масса-

²¹ Столица царства массагетов.

²² Так называли коренные земли массагетов.

гетские двары хотят видеть царем Баграма. Ведь он такой же племянник царицы, как и я.

– Ну, это мы еще посмотрим! – заверил его решительно и твердо алхонский алдар. – Слишком много пролито его отцом крови, чтобы он стал нашим царем. Хоны²³ никогда не согласятся!

– А вот многие бунские²⁴ двары, как я слышал, готовы его поддержать.

– Не думаю, что это серьезно. Ведь именно их селения больше всего пострадали от набегов гартманиев. Меня сейчас больше тревожит смерть Патриса, из-за которой мы можем лишиться поддержки авхатов. Именно поэтому я приехал сюда, чтобы переговорить с Томирис. Возможно, мне понадобится ее помощь.

Сакская царица²⁵, узнав о приезде Таксакиса, хотела принять его как положено, в тронном зале. Но сил у нее хватило только на то, чтобы одеться и привести себя в порядок. В конце концов ей пришлось встретиться с алдаром алхонов у себя в покоях.

Увидев Томирис, Таксакис был поражен произошедшей с ней переменой. За те несколько месяцев, которые они

²³ Одно из самоназваний исторических скифов; их появление на Кавказе древнегрузинские источники связывают с агрессией Урарту.

²⁴ Дословно «изначальные», «коренные». Судя по всему, именно они были историческими киммерийцами.

²⁵ Томирис была не только царицей массагетов, но и всего Сакского (Скифского) союза.

не виделись, царица сильно похудела. Даже несмотря на то, что она приняла его сидя в кресле, было заметно, что платье на ней сидит слишком свободно. А на ее лицо – обтянутый кожей череп с впалыми глазницами – было просто страшно смотреть.

– Что сильно изменилась? – почувствовав замешательство старого алдара, спросила Томирис, грустно улыбнувшись.

– Да ты явно помолодела лет на двадцать, – заявил тот, пытаясь скрыть первоначальную растерянность. – Мне даже подумалось, ты ли это!

– Не мудрено усомниться, если во мне не осталось и половины прежнего веса. И все же это я. Мне передали, что ты хотел меня видеть. Я тебя слушаю.

Перед ним уже была та прежняя Томирис, которой он так восхищался всю жизнь и которая когда-то, очень давно, могла даже стать его женой. После смерти ее первого мужа царя массагетов Спарга часть дваров хотела видеть именно Таксакиса царем. Но в борьбу за власть над Масхетой вмешался алдар хапиров²⁶ Амирг²⁷, женившийся впоследствии на вдове побратима.

Вспомнив сейчас об этом, алдар алхонов поймал себя на мысли, что уже не сожалеет о несостоявшемся браке. Так или иначе, они все-таки породнились, когда его дочь Бегела вышла замуж за ее сына Спаргапита. Сейчас Таксакис пожа-

²⁶ «Не имеющие дома», то есть кочевники.

²⁷ Амирани, герой грузинского эпоса.

лел о другом. Он вдруг неожиданно остро почувствовал, что жизнь их обоих подходит к концу. Из-за чего ему как-то сразу расхотелось говорить с Томирис о проблемах, связанных со смертью зятя.

– Ну, так что, какое у тебя ко мне дело? – повторила вопрос царица, видя, что алхонский алдар о чем-то задумался. – Говори. Не беспокойся. Я чувствую себя сегодня хорошо.

– Позавчера я получил известие о смерти Патриса. И, направляясь на его похороны, решил заехать к тебе, посоветоваться. Как ты знаешь, мой внук слишком мал, чтобы стать алдаром авхатов. Боюсь, что без решительных действий мне будет не отстоять его законные права. Возможно, даже понадобится применить силу.

– Этого нельзя допустить! – поспешила заметить Томирис. – Авхаты должны оставаться нашими союзниками по доброй воле, а не с помощью силы. Сейчас нам как никогда нужен надежный тыл. Междоусобица у соседей подходит к концу, и я уверена, что вскоре персы захотят посчитаться с нами за вашу помощь мидийцам. – Не удержалась, чтобы не укорить свекра и находившегося здесь же Скуна царица.

– Ты думаешь, они осмелятся сейчас выступить против нас? – усомнился Таксакис.

– Когда это случится, я не знаю. Но то, что они не оставят нас в покое, не сомневаюсь. Несмотря даже на мирный договор, который мне навязал племянник. Я уже давно про-

шу богов только об одном – чтобы они дали нам лет пять – десять передышки. Если война начнется раньше, тогда, боюсь, нам надо готовиться к самому худшему – даже к уходу за Краукасис.

– Лучше умереть, чем жизнь на чужбине! – возмущившись ее последними словами, гневно произнес Скун.

– Это слова воина, а не правителя! – устало возразила царица. – Для того чтобы умереть, большого ума не надо. А царь обязан, прежде всего, думать о людях, которые должны жить. И жить свободными, а не рабами.

– Я постараюсь сделать все возможное, чтобы авхаты остались нашими друзьями, – пообещал Таксакис, почувствовав, что их разговор сильно утомил царицу. – А насчет того, чтобы бежать, это мы еще посмотрим. Бывали времена и похуже, но мы выстояли.

С тяжелым сердцем он покидал царский дворец, сознавая, что жить Томирис оставалось немного. А с ее смертью сакское царство могло развалиться, как плохо закрепленный шатер под порывами ветра. Слишком непрочным оно было, напоминая скорее племенной союз. И смогут ли они со Скуном удержать его от распада?..

Выехав в тот же день из Саркана, Таксакис направился на север долиной реки Хоны²⁸. К вечеру он уже благополучно перевалил через невысокий горный хребет и заночевал

²⁸ Река Ксани.

в селении на берегу Арага²⁹. Вдоль этой реки шла главная дорога к перевалам через Краукасис.

Чем ближе подступали горы, тем тревожнее становилось на сердце у старика. Слишком хорошо он представлял, какая нелегкая задача ждет его за упирающимися в небо заснеженными вершинами.

Авхаты уже давно не являлись тем единым племенем, каким когда-то были. Сейчас они также напоминали скорее племенной союз, в который кроме хонов входили еще двары катиаров и хамихатов. А если учесть, что сами хоны делились на две большие группы – архонов и бахонов³⁰, иногда даже враждовавшие между собой, картина вырисовывалась пестрая. Так что убедить большинство из них признать алдаром пятилетнего ребенка в такое беспокойное время было делом очень трудно осуществимым.

Но все оказалось намного хуже, чем предполагал Таксакис. Приехав в Артан, он застал двоюродного брата Уазыра в полной растерянности. Во-первых, двары катиаров окончательно решили отделиться и избрать собственного алдара. Во-вторых, большинство хонов и слышать ничего не хотело об избрании малолетнего сына Патриса. Не лучше обстояли дела и с хамихатами, которые хотели видеть алдаром двоюродного племянника Патриса – Кинтаса.

– ...Он внук Уасби и женат на старшей дочери их послед-

²⁹ Река Арагви.

³⁰ Группы хонов, проживавших соответственно по рекам Тереку и Баксану.

него алдара Емисака, – пояснил такой выбор хамихатских дваров двоюродный брат. – Так что мы пока можем рассчитывать на поддержку только четверти дваров. Причем если катиары откажутся избирать авхатского алдара и не явятся на собрание.

– Возможно, нам тогда стоит предложить Кинтасу стать вместе с тобой опекуном сына Патриса? – спросил, размышляя вслух, Таксакис. – Он ведь на самом деле его ближайший родственник, как и мы с тобой.

– Попробовать, конечно, можно, – с явной неохотой согласился Уазыр. – Только боюсь, что с ним потом хлопот не оберешься. Ты ведь знаешь, что твой зять не особенно ладил с Кинтасом. Поэтому и отправил с вами в Мидию не его, а меня.

– Ладно, это на самом деле нужно как следует обдумать, – согласился с его доводами алхонский алдар. – Тогда сначала попытаемся переубедить хонских и хамихатских дваров. С этого и начнем.

Таксакис сразу пожалел, что у него очень мало времени и почти нет возможностей воздействия на строптивцев. Тем не менее, он надеялся убедить большинство хонов избрать его внука алдаром и не отказываться от традиционного союза с массагетами. Именно военную помощь из-за Краукасиса алхонский алдар решил сделать своим главным оружием.

Глава третья

Узкая дорога, змеившаяся берегом горной речки, неожиданно уперлась в нависшую над бурным потоком скалу. Путникам пришлось спешиться и, взяв лошадей за узды, переправляться на другой берег. Из-за быстрого течения и скользких камней это оказалось непростым делом и все изрядно вымокли.

Переправившись одним из последних и садясь на коня, Батах наконец увидел сторожевую башню галуана³¹ архонского двара Кинтаса, к которому ехал. Но еще целый час ему пришлось добираться до селения свояка. Оба они были женаты на дочерях последнего алдара хамихатов Емисака, погибшего в сражении с исседонами.

Хозяин встретил гостей у ворот галуана, возвышавшегося над его родовым селением.

– Рад тебя видеть в добром здравии! – приветствовал свояка Кинтас, обнимая Батаха. – Мне еще два часа назад сообщили о твоём отряде. И я уже начал беспокоиться: не случилось ли с вами чего?

– А что с нами могло случиться? – удивился хамихатский двар. – У тебя что-нибудь стряслось?

– Да ничего серьезного. Просто недавно пришлось спа-

³¹ Так по-осетински называется крепостное укрепление.

лить одно непокорное селение горцев³². Вот и приходится остерегаться... Да что мы тут стоим. Проходи в дом – ты, наверно, устал с дороги.

Дом Кинтаса больше напоминал крепость из-за стоящих вплотную друг к другу двух и трехэтажных массивных башен, которые были соединены между собой узкими проходами. Кроме них внутри обнесенного высокой стеной двора галуана находились и другие постройки, предназначенные для скота, запасов и челяди.

Войдя в дом, хозяин провел гостя на второй этаж в большую просторную комнату с открытым очагом посередине, служившую одновременно столовой и кухней. Там Батаха встретила жена Кинтаса Ахумида, сразу предложившая мужу сестры еду и вино. Ни пить, ни есть тому не хотелось, но он не стал обижать хозяев.

Выпив за благополучие дома, Батах решил сразу рассказать о том, что привело его сюда. Он надеялся на помощь Ахумиды и боялся, что та в любой момент может уйти. Присутствие женщин среди мужчин, если оно не было вызвано необходимостью, считалось проявлением неприличия и нескромности с их стороны.

– Я еду на похороны Патриса и по пути решил заглянуть к тебе, посоветоваться. Ведь после похорон нам придется выбирать алдара. А дело это непростое, если учитывать, что сын Патриса еще ребенок. Вот я и подумал, кому как не те-

³² Имеются в виду горцы каспии, являвшиеся зависимым населением.

бе, внуку славного Уасби, стать нашим новым алдаром. Того же мнения, как я знаю, придерживаются и большинство хамихатских дваров.

Кинтас был готов услышать что-нибудь подобное, он и сам в последние дни много думал о своих правах на власть. Ведь Амыс, отец Патриса, был всего лишь братом Уасби и стал его преемником из-за отсутствия у того наследника мужского пола. Так почему бы теперь сыну старшей дочери Уасби не заменить двоюродного дядю. Но Кинтас не был уверен, что найдет поддержку у авхатских дваров, о чем и заявил свояку.

– ...Кроме того, я сомневаюсь, что алхонский алдар Таксакис не вступится за внука. Да и Уазыр будет из кожи лезть, чтобы удержать в своих руках власть.

– Уазыр не имеет никакого отношения к роду Уасби, авхатские двары никогда не изберут его алдаром, – торопливо возразил Батах. – Да и ребенка они вряд ли захотят видеть главой. Так что твои шансы велики, надо только решиться, а поддержку хамихатских дваров я тебе гарантирую.

– Ладно, я подумаю!

– А чего тут думать! – вмешалась, как и рассчитывал гость, в их разговор Ахумида. – Ты имеешь все права стать алдаром не только авхатов, но и хамихатов...

– Не женского это ума дело! – осадил ее муж. – Я и без тебя решу, как мне поступить.

Видя явное недовольство Кинтаса поведением супруги,

Батах решил не торопить события. Он прекрасно знал осторожный и нерешительный характер свояка, рассчитывая, что тот сам заговорит с ним на данную тему, когда все обдумает и взвесит. И не ошибся.

– Поддержка хамихатских дваров дело само по себе хорошее, – сказал ему тем же вечером задумчиво Кинтас. – Но даже если меня поддержит большинство дваров, с этим вряд ли согласится Таксакис. Не думаю, что авхаты решатся отказаться от союза с массагетами и остаться один на один с траспиями и исседонами.

– А я и не призываю ссориться с тестем Патриса, – поспешил заверить его Батах. – Просто надо убедить алхонского алдара, что мы ему не враги.

– Согласен. Только как это сделать?.. Поэтому, опираясь на вашу поддержку, мне лучше пока стать опекуном его внука. На что Таксакис может еще согласиться. Если хамихатов такое решение устроит, то можешь считать, мы договорились.

– А если Таксакис не захочет видеть тебя опекуном?

– Это уже мой вопрос. Я постараюсь все заранее с ним обговорить. А если он упрется, тогда можно будет подумать и над твоим предложением.

Они еще долго обсуждали детали заключенного соглашения. Наметив на следующий день выехать в Артан, чтобы иметь возможность еще до похорон Патриса все выяснить и принять окончательное решение.

Узнав о завтрашнем отъезде, сын Кинтаса Азам попросил отца взять его с собой. После похорон обычно устраивались состязания для юношей, и ему хотелось испытать своего первого самостоятельно обьежженного коня – Аджаму.

– ...Я уверен, мы с ним выиграем скачки! – пообещал он.

– Ты смотри, как вырос этот хвастунишка, – пожурил племянника Батах, потрепав юношу за черные как деготь кудри. – Думаю, нам следует его проучить, взяв с собой. Только вот какое наказание ему придумать, если не придет первым.

– За наказанием дело не станет! – сурово заметил отец. – Правда, я хотел оставить его присматривать за домом. Но так и быть, иди, собирайся.

В тот осенний вечер Азам был самым счастливым человеком на свете. Он долго не мог заснуть, представляя, как его Аджам, приходит первым и все вокруг восхищаются не только конем, но и его хозяином. Особенно молодые девушки.

Бессонная ночь не прошла для юноши бесследно, уже к полудню он начал клевать носом. Заметив его полусонное состояние, Батах всю оставшуюся дорогу весело подтрунивал над племянником. Кинтас, наоборот, был сдержан и хмур. Он решил как можно быстрее встретиться с Таксакисом и все выяснить.

В Артан они приехали поздним вечером, и все же Кинтас, узнав, что алхонский алдар уже здесь, не стал откладывать разговора с ним. Тот принял двоюродного племянника Патриса настороженно. Но после того как архонский двар

заявил, что не собирается оспаривать права его внука, суровые морщины на лице старика постепенно разгладились.

– ...Мы с тобой самые его близкие родственники, – продолжал объяснять Кинтас. – Так кому как не нам позаботиться о судьбе ребенка.

– Меня радуют твои слова, – облегченно вздохнув, признался Таксакис. – Честно говоря, я побаивался, что ты будешь настаивать на своих правах стать алдаром. Боялся, потому что подобное устремление могло привести к раздорам среди авхатов, которые сейчас совсем не нужны. А твое желание быть опекуном моего внука меня вполне устраивает. Есть, правда, одна загвоздка. Как ты знаешь, в последнее время Уазыр являлся правой рукой Патриса. Поэтому мне бы не хотелось его обижать. Как ты посмотришь на то, чтобы он стал твоим помощником, как и я?

– А каковы будут ваши права? – спросил Кинтас, испугавшись, что его сейчас обдурят. – Три опекуна – это может привести к постоянным недоразумениям...

– Не беспокойся! Мы будем иметь равные с тобой права только в вопросах объявления войны, заключения договоров о мире и союзах. В остальных делах принимать решения ты будешь единолично. Конечно, было бы хорошо, если, принимая их, ты учитывал мнение Уазыра, но я не собираюсь на этом настаивать.

Кинтас сразу понял, куда клонит тесть Патриса. Вероятно, алхонский алдар хотел быть полностью уверенным, что

авхаты останутся надежными союзниками массагетов. Что позволяло архонскому двору с большим доверием отнестись к обещаниям Таксакиса. Тем более тот сам признался, что боится возникновения раздоров среди авхатов, что тоже могло служить для Кинтаса дополнительной гарантией.

Но внук Уасби не стал торопиться с окончательным одобрением их договоренностей, сославшись на то, что ему хотелось бы все еще как следует обдумать.

– Разумеется! – поспешно согласился Таксакис. – Тем более что мне тоже предстоит не простой разговор с Уазыром. Главное, что мы в принципе договорились и поняли друг друга. А детали можно оговорить позже. Время у нас еще есть.

Возвращаясь в свой лагерь, разбитый на восточной окраине селения, Кинтас пришел к выводу, что в сложившейся ситуации алхонскому алдару можно доверять. О чем он заявил Батаху, который был очень недоволен, услышав условие Таксакиса о трех опекунах.

– Утверждать опекуном Уазыра, даже с урезанными правами ни в коем случае нельзя, – сильно горячась, стал настойчиво возражать хамихатский двор. – Он слишком упрям и заносчив, чтобы так просто уступить тебе власть. Предполагаю, что, став опекуном, этот мерзавец сразу же захочет уравниваться с тобой в правах.

– Ну, такое у него не пройдет! – заверил его решительно архонский двор. – Если Таксакис хочет, чтобы его внука из-

брали алдаром, ему придется урезонить двоюродного брата. Я не потерплю двоевластия.

Следующий день Кинтас, как намечал, посвятил встречам с дварами. Многие из них согласились поддержать его как опекуна сына Патриса, хотя считали, что избирать алдаром ребенка сейчас очень опасно. Такого же мнения придерживались хамихатские двары, собравшиеся в шатре Батаха. Внуку Уасби пришлось их долго убеждать, что только так можно избежать раздоров среди авхатов. Но большинство дваров остались при своем мнении.

К вечеру от всех этих встреч и разговоров у Кинтаса сильно разболелась голова, и он решил пораньше лечь спать. Завтра должны были состояться похороны, и ему хотелось как следует отдохнуть и выспаться. Но только он задремал, как его разбудил взволнованный Батах. Полчаса назад ему стало известно, что двары катиаров не только отказались приехать на похороны, но и не собираются являться на собрание.

– ...Ты понимаешь, что это значит?! – брызжа слюной, спросил он загадочно.

– И что?.. – поинтересовался не совсем еще проснувшийся Кинтас.

– То, что в отсутствие катиаров, чтобы стать алдаром, тебе нужна поддержка всего лишь нескольких хонских дваров. Причем их голоса у тебя уже есть!

После чего он стал торопливо перечислять имена дваров, которые обещали внуку Уасби свою поддержку. На самом

деле их выходило даже больше, чем требовалось для победы. Смущало только то, что сразу после избрания ему придется столкнуться с серьезными проблемами. Особенно беспокоило Кинтаса, что сторонники сына Патриса могли вообще отказать признать его алдаром.

– Давай поступим так... Я не хочу прослыть в глазах Таксакиса и его сторонников обманщиком, поэтому сам не стану настаивать на избрании меня алдаром. Но и отказываться, если так решит большинство дваров, обещаю, не буду... Так что действуйте!

Глава четвертая

Похороны зятя произвели на Таксакиса тяжелое впечатление. Одно дело, когда хоронят старика, прожившего на своем веку, и совсем другое молодого – кому жить да жить. Но боги часто поступают иначе, лишая человека жизни в расцвете сил, и с этим ничего не поделаешь, приходится смириться.

Однако, несмотря на волю богов, алхонскому алдару было как-то не по себе. Возможно, причиной тому являлась неопределенность, которую породила преждевременная смерть Патриса. Именно о ней он думал, стоя над могилой зятя и в последний раз всматриваясь в черты его лица, очищенного от воска, который все это время предохранял умершего от тления.

Слуги уложили в прямоугольную яму последние вещи, предназначавшиеся хозяину уже в той, другой жизни, и стали закрывать ее накатом из бревен. После чего к могиле подошел Уазыр, распорядившийся на похоронах, и первым бросил горсть земли, прощаясь с алдаром. За ним к последнему пристанищу вождя потянулись авхатские двары, а молодая вдова, дочь Таксакиса, опять разрыдалась. Отец поспешил увести ее от могилы. Вчера ему с большим трудом удалось отговорить Ахус от желания последовать за мужем. Сегодня она опять заговорила о смерти.

– У тебя маленький сын и ты не имеешь права так посту-

пить! – напомнил он ей строго.

– Но я не хочу быть женой Кинтаса! – призналась та сквозь рыдания.

– А при чем тут Кинтас? – сильно удивился Таксакис.

– Я слышала, что он станет алдаром. А тогда как ближайшему родственнику ему придется на мне жениться.

– Кто тебе такое сказал?! – возмутился ее глупым предположением отец.

– Все об этом говорят... А разве это не так?

Только после того как Таксакис твердо пообещал, что не допустит ничего подобного, дочь успокоилась, а алхонский алдар, наоборот, встревожился. Слова Ахус заставили его обратиться за разъяснениями к Уазыру. Двоюродный брат подтвердил, что хамихаты не скрывают своего решения выдвинуть внука Уасби алдаром. Не стал этого отрицать и сам Кинтас, заявив, что не может запретить дварам поступать так, как они считают нужным.

– И как тебя понимать?! – с негодованием спросил у него Таксакис. – Мы ведь договорились, что ты станешь опекуном моего внука.

– А я и не отказываюсь, но ведь окончательное решение за дварами, – заметил упрямо архонский двар. – Если они захотят избрать кого-нибудь алдаром, я просто не понимаю, как мы сможем этому помешать?

Таксакиса очень удивило такое поведение внука Уасби. Строго посмотрев на хмурого и настороженного Кинтаса,

старик потребовал, чтобы тот немедленно собрал хамихатских дваров и дал им понять, что алдаром он становиться не собирается.

– Тогда они изберут им кого-нибудь другого, – предположил внук Уасби раздраженно. – Разумно ли так поступать? Особенно после того, как от нас решили отделиться катиары.

– Все же ты не ответил на мой вопрос! Ты выполнишь мою просьбу?

– Я уже пытался их переубедить, но они не хотят меня слушать, – потупив глаза, признался Кинтас.

– Значит, плохо пытался. Попробуй еще раз, иначе я буду считать наш договор расторгнутым! – пригрозил алхонский алдар, что, похоже, не смутило внука Уасби.

– Теперь ты веришь, что с этим «козлом» у нас будут одни неприятности! – горячился Уазыр, когда Таксакис пересказал ему разговор с Кинтасом. – Я почти уверен, что именно он настроил хамихатских дваров выдвинуть себя алдаром. Не зря его свояк Батах тут больше всех суетится.

Доводы двоюродного брата подействовали на Таксакиса, после чего они весь оставшийся вечер и ночь подсчитывали голоса своих сторонников. По всему выходило, что Кинтас будет избран большинством дваров новым авхатским алдаром. Перспектива предстоящего поражения расстроила алхонского алдара, не знавшего, что делать.

– Нам остается только попытаться договориться с катиарами, – неожиданно предложил Уазыр. – Они располагают

почти тридцатью голосами, которые могут в корне изменить исход голосования. Надежда невелика, но попробовать стоит. Тем более что на похороны приехал Усан, дядя Тотреша, которого алгеты³³, так они себя теперь называют, прочат в алдары.

– А какой им резон нам помогать? – усомнился павший духом Таксакис.

– Только один – наша помощь против траспиев.

Алхонский алдар решил, что ничего не потеряет, если переговорит с Усаном. Встретился он с ним на следующий день во время тризны. Вначале разговор не заладился, чему виной был сам Таксакис, начавший его с обвинений катиаров в неблагодарности.

– ...Сколько раз мой зять и его отец спасали вас от набегов соседей, и так вы им отплатили, – напомнил он алгетскому двару. – Может, вы помирились с траспиями?

– Тогда бы меня здесь не было, – явно обидевшись, заметил дядя Тотреша, и его худощавое лицо побледнело. – Выборы алгетского алдара вынужденная мера. В последние годы помощь авхатов постоянно запаздывала. Поэтому мы решили, что только свой алдар сможет быстро организовать оборону наших земель. Не собираемся мы отказываться и от союза с авхатами. Именно договориться о взаимопомощи я сюда и приехал.

– Хотя твои последние слова меня порадовали, но, то все-

³³ Род алагата нартского эпоса, соседи их называли катиарами.

го лишь слова. Мне бы хотелось, чтобы они были подтверждены реальными делами... Из-за вашего отступничества избрание моего внука оказалось под вопросом. Так вот если вы сможете добиться его утверждения авхатским алдаром, я поверю в искренность ваших намерений.

– А я слышал, что алдаром собираются избрать Кинтаса, – удивился озадаченный Усан.

– Позавчера мы договорились, что он станет опекуном сына Патриса. Но, похоже, Кинтас передумал и жаждет неограниченной власти. Меня его алдарство не устраивает по двум причинам: во-первых, потому, что он лишает моего внука его законного права, во-вторых, царица Томирис хотела бы иметь гарантии надежности в отношениях с авхатами.

– Я все-таки не понимаю, чем мы можем помочь? – спросил алгетский двар, пытаясь уяснить для себя, что от него хочет алхонский алдар.

– Вы располагаете голосами, которые могут решить исход выборов.

– А для этого мы должны присутствовать на вашем собрании?

– Разумеется! – подтвердил Таксакис.

Только сейчас Усан понял, что задумал хитрый старик. Но алгетские двары и племянник Тотреш, которого они намеревались избрать алдаром, могли заупрямиться ехать в Артан. Несмотря на свои сомнения, он все же согласился на выдвинутое тестем Патриса условие. Слову алхонского

алдара можно было доверять.

Обговорив детали заключенного соглашения, Усан заторопился домой. В его распоряжении было не так много времени, чтобы убедить дваров помочь Таксакису и успеть вернуться с ними к началу собрания. Обычно тризна по усопшему длилась не больше трех дней.

Простившись с дядей Тотреша, старик отправился к Уазыру, чтобы порадовать того достигнутыми договоренностями. Алхонский алдар посчитал, что угроза со стороны траспиев является надежным залогом сговорчивости и заинтересованности катиаров.

Тем временем курган над могилой Патриса вырос за день почти на десять локтей. На сегодня работы по его возведению закончились, и принимавшие в них участие люди отдыхали, расположившись рядом с могилой. Слуги угощали всех едой и вином, так что многие были уже изрядно пьяны.

Услышав об успехе переговоров, Уазыр предложил продолжать встречаться с дварами. Зная лучше Таксакиса катиаров, он сомневался, что Усану удастся их так быстро уговорить.

– ... Чем больше у нас будет сторонников, тем лучше, – резонно заметил двоюродный брат.

В последний день тризны, когда могильный холм был уже насыпан, начались состязания и игры, где каждый мог проявить себя. Чтобы боги видели, что после смерти Патриса земля не оскудела сильными и ловкими молодцами. Причем

каждый победитель состязаний получал что-нибудь из вещей умершего алдара, не только в награду, но и как память о нем. А главным призом являлся золотой кубок стоимостью в целый табун лошадей. Достаться он должен был победителю скачек, которыми обычно заканчивалась тризна.

Желающих получить такой дорогой подарок оказалось много, поэтому пришлось проводить предварительные заезды. Победители приняли участие в основных скачках, в которых неожиданно для всех первым пришел сын Кинтаса Азам. Уазыру ничего не оставалось, как вручить сопляку обещанный золотой кубок.

Видя, как сильно расстроился двоюродный брат, Таксакис поспешил его успокоить.

– Больше всего меня бесит, что победа сына может принести Кинтасу еще несколько голосов... – выругался тот в сердцах.

– Ничего! Если Усан сдержит обещание, то подлецу уже ничего не поможет. К тому же мы с тобой неплохо поработали – почти десяток дваров будут поддерживать нас, а не этого мерзавца.

Однако оба прекрасно сознавали, что только приезд катиаров мог окончательно снять все вопросы. Но Усан мог задержаться, убеждая алгетских дваров, и данное обстоятельство сильно тревожило Уазыра и Таксакиса. Тем более что затягивать с проведением выборов алдара больше чем на день они не осмелились.

Провести собрание решили во дворе галуана Патриса, где расставили все имевшиеся скамейки, на которых должны были разместиться наиболее уважаемые двары. Слуг на это время пришлось выставить за ворота, чтобы не мешались. Без них в крепости было тесно даже в отсутствие катиаров, которые пришли уже после вступительного слова Таксакиса.

Их неожиданное появление большинство дваров встретило неодобрительным гулом. А Кинтас даже вскочил со своего места и вбежал на невысокий помост, с которого Уазыр вел собрание.

– Я требую объяснить, на каком основании здесь находятся эти люди? – спросил он, возбужденно жестикулируя. – Все мы знаем, что алгеты хотят отделиться, поэтому их присутствие среди нас я считаю неуместным!

– Даже решение отделиться и избрать своего алдара не лишает их сейчас права присутствовать на нашем собрании, – пояснил спокойно Уазыр. – Еще при Уасби дварам катиаров были даны одинаковые с нами права!

– И все же я требую, чтобы они покинули собрание! – упрямо настаивал Кинтас, догадываясь, что их приезд не простая случайность.

Его требование вызвало яростные споры среди дваров, мнения которых разделились. Испугавшись, что противостояние может перерасти в драку, на помост взобрался Таксакис и поспешил успокоить собравшихся дваров.

– Я никому не позволю сеять среди нас смуту и рознь! –

пригрозил он гневно, когда выкрики с мест поутихли. – Катиары ваши братья, или вы об этом забыли? А решение избрать своего алдара еще не значит, что они собираются предать вас, иначе бы их здесь не было. Но все это мы обсудим после того, как выберем алдара.

– Нет. Давайте этот вопрос решим сейчас! – настойчиво потребовал покрасневшийся Кинтас.

На сей раз большинство дваров его явно не поддержало. Все отчетливо понимали, что, изгнав сейчас катиаров, они только увеличат число своих недругов. Отважиться на такой шаг многие из них были просто не готовы.

Несмотря на замешательство среди своих сторонников, Кинтас продолжал настаивать на изгнании катиаров, все больше распаляясь и теряя над собой контроль. Пригрозив под конец даже покинуть собрание. На что Таксакис еще раз предупредил, что ни перед чем не остановится, чтобы предотвратить распри. После чего Кинтасу ничего не оставалось, как заявить о своем уходе, надеясь, что большинство дваров последуют его примеру.

Оказавшись за воротами, Кинтас тотчас пожалел о своей горячности. Ведь даже с появлением катиаров у него еще оставалась надежда быть избранным алдаром, хотя и сомнительная. Особенно если учесть, что Таксакис и Уазыр, очевидно, не просто так настояли на присутствии катиаров.

Перед галуаном Патриса толпился народ в ожидании избрания алдара. Чтобы избежать ненужных расспросов, угрю-

мый Кинтас быстро прошел через расступившихся перед ним людей и только после этого оглянулся. Каково же было его изумление, когда обнаружилось, что его уход никто не поддержал, даже свояк Батах предпочел остаться на собрании.

– Труссы! Мерзавцы! Подонки!.. – ругался архонский двар, пылая гневом. – Ну, я вам это припомню!..

Дорогой к своему лагерю Кинтас даже пару раз порывался вернуться, но так и не решился. С одной стороны не позволяла гордость, с другой – стыд за проявленную несдержанность. К тому же он сознавал, что с появлением катиаров его победа маловероятна, а опозориться еще раз ему не хотелось.

– Разве собрание закончилось? – удивленно спросил Азам, увидев так быстро вернувшегося отца.

– Для меня – да. Собирайся, мы уезжаем! – велел Кинтас, не желая сейчас говорить с сыном о своем унижительном положении. – Нам здесь больше делать нечего!

А через два дня, уже находясь дома, архонский двар узнал, что собрание большинством голосов избрало малолетнего сына Патриса алдаром, а его опекуном до совершеннолетия стал Уазыр.

Глава пятая

После ухода Кинтаса его сторонники растерялись. Воспользовавшись их замешательством, Таксакису без особого труда удалось утвердить внука авхатским алдаром. Против такого решения высказались только Батах и пара хамихатских дваров, но потом они тоже присягнули на верность сыну Патриса и его опекуну Уазыру. Не принесли присягу только алгетские двары и Кинтас, с которым алхонский алдар намеревался как можно быстрее примириться.

– Я думаю, он уже сожалеет о своей горячности, – заявил Таксакис двоюродному брату, когда двор галуана, где проходило собрание, опустел. – Полагаю, нам надо помочь ему не теряя лица выйти из затруднительного положения.

– А по-моему, этого делать не стоит! – возразил недовольно Уазыр. – Во всяком случае, сейчас. Пусть он вначале раскается и извинится за свои козни и вероломство.

Однако Таксакис не послушал двоюродного брата, намереваясь покончить со всем еще до своего отъезда домой. Но оказалось, что Кинтас уже покинул Артан, поэтому алхонскому алдару пришлось действовать через Батаха. Встретившись с хамихатским дваром, он посетовал на поведение внука Уасби, предложив свояку Кинтаса стать посредником в их размолвке.

– Если в ближайшие дни он принесет присягу, мы будем

считать его таким же опекуном моего внука, как и я сам, – заявил алхонский алдар Батаху. – Кинтас должен понимать, что после его ухода мне ничего не оставалось, как предложить Уазыру стать главным опекуном.

Батах согласился помочь, чувствуя свою вину перед своим сыном, особенно за то, что не ушел вместе с ним с собрания. Таким образом, он надеялся хотя бы частично ее загладить, пообещав старому алдару немедленно выехать к внуку Уасби.

Другой проблемой Таксакиса были алгеты. Они помогли на собрании, и алхонский алдар намеревался честно выполнить данные Усану обещания. Хотя и здесь Уазыр посоветовал не торопиться, тем более что Тотреш сам предоставил повод, не приехав в Артан. Его дяде даже пришлось извиняться за упрямство племянника.

– Но нам надо с ним многое обсудить, – признался растерянно Таксакис, выслушав объяснения Усана.

– Может, тогда ты поедешь с нами?.. Погостишь у меня день или два, – осторожно предложил тот. – А послезавтра вы с ним встретитесь.

– К сожалению, в ближайшие дни я не смогу покинуть Артан, – отклонил его приглашение алхонский алдар. – Поэтому тебе придется все же убедить племянника приехать сюда. Тем более что скоро я вообще уеду, и тогда вам придется договариваться уже с Уазыром.

По выражению толстощекого лица Усана было заметно,

что такая перспектива его явно не радует. После чего алгетский двар пообещал убедить Тотреша приехать в Артан, опасаясь, что с Уазыром им будет намного тяжелее договориться. Слишком непростые вопросы предстояло решить, главный из которых – размежевание границ.

Сложность заключалась в том, что эти границы были очень расплывчаты. Особенно в верховьях реки Солхи³⁴, где алгетские земли соприкасались с владениями бахонских дваров. В тех местах и раньше случались стычки из-за споров о земле, которые сейчас могли быстро перерасти в войну.

Тотреш сам прекрасно понимал важность разрешения приграничных вопросов, но ехать в Артан ему очень не хотелось. Он считал, что поездка туда будет выглядеть в глазах алгетских дваров как проявление его слабости. В чем юноша неохотно и крайне сбивчиво признался дяде.

– Не мели чепухи! – возмутился тот рассерженно. – Тебе уже давно пора научиться сдерживать чувства, и смотреть на подобные вещи иначе. Как будущий алдар ты обязан защищать наши интересы, чего бы тебе это ни стоило. Поэтому научись усмирять гордыню и перестань рассуждать как мальчишка: нравится – не нравится.

– Хорошо, я поеду! – раздраженный его нравоучениями, зло согласился Тотреш. – Но все равно в войне с траспиями авхаты нам теперь плохие помощники. Мы должны как можно быстрее договориться о взаимопомощи с савроматами.

³⁴ Солха – река Золка.

– Я так же думаю. Но сохранение дружеских отношений с авхатами сейчас тоже важно. Мы не можем допустить, чтобы у нас появились серьезные разногласия. Что скажет царь савроматов, узнав о наших испортившихся отношениях с авхатами? Очень сомневаюсь, что после этого он отдаст тебе в жены Ирхус.

Усан уже вел переговоры о женитьбе племянника на дочери царя савроматов Балсага. Такой брак позволил бы алгетам меньше зависеть от авхатов, обретя в лице северных соседей надежного и сильного союзника в противостоянии с траспиями. Именно так поступил отец Патриса Амыс – женившись на дочери царя савроматов. К сожалению, тогда союз продлился очень недолго. Виной всему была привычка Амыса волочиться за каждой юбкой. Дочь царя савроматов такого позора не стерпела и, как только родился Патрис, вернулась к отцу.

Слова дяди заставили Тотреша серьезно задуматься. Являясь, внуком последнего алдара алгетов Гатага погибшего в сражении с Ниукармом Мадиесом, он мечтал вернуть соплеменникам былое величие. Прежде всего, освободить часть алгетских родов, называвшихся тархетами, из-под власти царя траспиев. Но вряд ли те решаться отложиться от Вукаса не почувствовав в нем силу способную их защитить...

«...По-видимому, он прав, – решил племянник Усана. – Задирать сейчас авхатов не время. Вначале надо договориться о союзе с савроматами и скрепить его женитьбой на доче-

ри Балсага. После чего авхатам – да и траспиям – придется уже считаться с алдаром алгетов».

Понимание необходимости сохранения добрососедских отношений помогло Тотрешу быстро договориться с Таксакисом и Уазыром. Условились, что основная граница между их землями пройдет по реке Солхе, а в горных районах все останется как есть. Имеющие там владения бахонские двары могли по своему усмотрению подчиняться алдару авхатов или алдару алгетов.

Без долгих споров решили и другие, менее важные вопросы. Все шло хорошо, пока Таксакис не предложил будущему алдару алгетов поклясться оставаться верным союзу с массагетами. После чего Тотреш посмотрел вопросительно на дядю и неожиданно отказался, вызвав сильное удивление алхонского алдара.

– Тогда я вообще не вижу смысла во всем, что мы сейчас обсуждали, – заметил недовольно тот. – Получается, что вы хотите заручиться нашей поддержкой, ничего не предложив взамен? Так не пойдет!

– Но ведь мы будем защищать земли авхатов от набегов траспиев, – поспешил прийти на помощь племяннику Усан. – Это тоже немало значит.

– Прежде всего вы будете защищать свои земли, – подметил с усмешкой Уазыр. – Но если вы готовы взять на себя ответственность за нашу границу по Гумской реке, тогда над этим еще стоит подумать.

– Все-таки я не понимаю, чем вас не устраивает мое предложение о союзе с массагетами? – спросил огорченный Таксакис. – Хотя, конечно, это ваше дело. Но тогда уж не рассчитывайте на помощь из-за Краукасиса. Если я правильно понял, вы хотите заключить соглашение о взаимопомощи только с авхатами? Тогда сами с ними и договаривайтесь.

Алхонский алдар решил не настаивать на принесении алгетами союзной клятвы, опасаясь, что до Тотреша уже могли дойти слухи о вероятной войне с персами. А Уазыр все же потребовал, чтобы соседи взяли на себя охрану границ по Гуме, если они рассчитывают получить от него помощь.

– Одной головной болью будет меньше! – обрадованно признался он Таксакису, когда алгеты ушли, согласившись на условие опекуна авхатского алдара. – Я только не понял, почему ты не стал настаивать на их клятве?

– Что бы она изменила? Ведь все равно добиться от них помощи в войне с персами не получится. Ты лучше меня знаешь алгетов. Они и раньше никогда не участвовали в войнах за Краукасисом, ссылаясь на всевозможные причины.

– Это точно! – кивнул Уазыр, улыбнувшись. – Но от меня они тоже не дождутся воинов, если траспии будут продолжать разорять наши земли по Гумской реке.

Несмотря на нерешенность некоторых вопросов, оба посчитали, что переговоры с Тотрешем прошли успешно. А то, что он заупрямился, отказавшись от союза с царицей Томи-

рис, дело временное и поправимое. Двоюродным братьям подумалось, что когда траспии прижмут алгетов, те быстро согласятся на любые условия, лишь бы им помогли.

В общем, Таксакису можно было возвращаться домой. Правда, здесь у него все еще оставалось одно незавершенное дело. Батах не справился с возложенным на него поручением, Кинтас даже не захотел разговаривать со свояком. Очень неудачно выбрал алхонский алдар посредника для переговоров с обиженным дваром.

– Что будем делать? – спросил Таксакис двоюродного брата, когда вернувшийся из поездки Батах рассказал об упрямстве Кинтаса. – При определенных обстоятельствах внук Уасби может доставить тебе немало хлопот?

– Я бы вообще от него избавился, и чем быстрее, тем лучше! – недвусмысленно предложил Уазыр, сильно ударив кулаком по ладони. – А сделать это можно руками горцев, у которых на него давно зубы чешутся.

Таксакис засомневался в необходимости такой крайней меры, опасаясь возмущения среди хамихатов. Но Уазыр заверил, что все будет выглядеть как обычное нападение горцев. Да и хамихатские двары вряд ли решатся резко проявлять недовольство после того, что случилось на собрании.

– Тебе виднее! – сдался алхонский алдар. – Только прошу, попытайся еще раз договориться с ним миром. А может, мне самому к нему заехать по дороге домой?

– Слишком много чести! – заметил Уазыр, пообещав, что

сам все уладит.

Глава шестая

В тот день на охоту Азам выехал поздно. Виной его задержки был отец, который, узнав о сборах сына, запретил Азаму покидать дом. Кинтас боялся, что сын может нарваться на горцев³⁵, напавших позавчера на его воинов, собиравших дань. Один человек в той стычке погиб, а трое получили ранения.

– Как будто такое не случалось раньше! – возразил с вызовом юноша. – Так что мне теперь из галуана носа не высывывать...

Только после долгих уговоров Азам смог убедить отца изменить свое решение, пообещав охотиться не в горах, а спуститься в Архонскую долину. В тех краях встреча с горцами была маловероятна, и Кинтас уступил.

Потеряв много времени на дорогу и плохо зная новые для него места, Азам немало поплутал, прежде чем наткнулся на следы небольшого стада оленей. Солнце уже клонилось к закату, но юноша решил преследовать зверей. Ему не хотелось возвращаться домой с пустыми руками, даже несмотря на строгое предупреждение отца приехать до темноты.

Вскоре оленьи следы привели его к невысокой каменистой гряде с поросшими ивняком отрогами. Почувствовав, что звери где-то рядом, Азам оставил коня, решив их обойти

³⁵ Имеются в виду горцы каспии.

и затаиться на другом конце гряды.

Время в засаде тянулось медленно, а сумерки все сгущались. Азам уже подумывал, не пойти ли ему навстречу оленям, пока совсем не стемнело, но тут раздался тихий треск сломавшегося под чьей-то ногой сучка.

Юноша затаил дыхание.

Первым на небольшую полянку, над которой среди камней затаился охотник, вышел самец с огромными рогами и рыжегато-серого цвета шерстью. Тряхнув головой, он остановился и настороженно прислушался. Следом за ним показалось все стадо – три самки и два детеныша. Самец был старый, поэтому юноша выбрал одну из самок, находившуюся к нему ближе, и, натянув лук, выстрелил.

Услышав жужжание летящей стрелы, все стадо встрепетнулось и бросилось в разные стороны, ломая на своем пути подлесок. Раненая самка тоже пробежала несколько шагов и рухнула как подкошенная. Азам с радостным криком бросился к ней, но добивать добычу не пришлось, самка уже умирала.

Свистнув Аджаму, юноша решил не тратить времени на свежевание и разделку туши. Он просто закинул ее на спину коня, намереваясь как можно быстрее отсюда выбраться. Темнота сгущалась, и ему не хотелось заблудиться в незнакомых местах. А для того чтобы этого не случилось, нужно было как можно скорее спуститься в долину и отыскать дорогу к дому.

Однако, как не торопился Азам, ночь все же застала его в пути. Ехать в кромешной темноте было опасно, поэтому ему ничего не оставалось, как, разведя костер, дожидаться рассвета. Зная крутой нрав отца, юноша уже сожалел, что не успел вернуться домой вовремя. Мужчина, не сумевший сдержать слово, достоин презрения. Теперь отец уже точно не будет отпускать его на охоту.

Только на следующий день, да и то лишь к полудню, Азам подъехал к родному селению. Еще издали он заменил столбы дыма, поднимавшиеся над горой, за которой располагалось селение, и встревожился. Юноша даже решил освободиться от добычи, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

«Вероятно, отец был прав, и та стычка с горцами не простая случайность», – подумал он, подвешивая на сук стоящего рядом с дорогой дуба тушу убитой самки.

Но опасения Азама оказались напрасными, дорогой ему никто не встретился. Хотя чем ближе он подъезжал к селению, тем явственнее становились следы недавнего нападения. Разрушенные дома все еще дымились, догорая, а рядом с ними валялись изувеченные трупы. Живых людей нигде не было видно, что его сильно обеспокоило. Оказалось, все они укрылись в галуане двара, а увидев подъезжающего юношу, сразу выбежали ему навстречу.

Среди встречающих его людей Азам сразу заметил мать, протискивающуюся через толпу. Ее заплаканное грязное лицо сияло радостью, но, обнимая живого и невредимого сына,

которого она уже не чаяла увидеть, Ахумида опять расплакалась.

– Твой отец ранен, – призналась она сквозь рыдания. – Он уже много раз о тебе спрашивал...

Услышав о ранении отца, Азам оставил мать и поспешил в дом, расталкивая столпившихся людей. Увидев вбежавшего сына, лежавший на постели Кинтас попытался приподняться на локтях и потребовал оставить их наедине.

– Я думал, уже не увижу тебя перед смертью, – произнес он, тяжело дыша, всматриваясь в черты лица растерянного и огорченного сына.

– Что ты, отец? Ты поправишься!.. – поспешил заверить его Азам, в глазах которого заблестели слезы.

– Не надо!.. – перебивая сына, попросил тот. – Я воин, и знаю, что с такой раной долго не живут. Времени у нас мало, поэтому слушай меня внимательно. Но прежде чем я расскажу, где зарыт наш родовой клад, запомни, что подлинным виновником сегодняшнего нападения является Уазыр. Остерегайся этого мерзавца даже больше, чем горцев, они всего лишь оружие в его руках.

– Я не собираюсь кого-то бояться! – взбешенно заявил Азам. – Он мне за все ответит!

Кинтас что-то хотел сказать на эту яростную вспышку гнева, но закашлялся, и на губах у него появилась кровь. Юноша перепугавшись, позвал мать. Вместе с ней в комнату вернулся знахарь, который немедленно попытался влить

в рот раненого какую-то жидкость, но тот отстранил рукой чашу, судорожно хватая ртом воздух. Он задыхался. А через несколько минут все было кончено.

Царапая себе ногтями лицо, подраненной волчицей взвывала Ахумида, испугав своим неожиданным воплем сына. Азаму тоже хотелось кричать, круша все вокруг. Но он только закрыл лицо руками и разрыдался. Слезы сами текли из глаз, и остановить их юноша не мог, хотя понимал, что такое поведение не понравилось бы отцу.

Только после того как прибежавшие служанки увели убитую горем мать, Азам начал приходить в себя, внезапно осознав, что теперь на нем, как главе рода, лежит ответственность за всех этих людей. Вытерев слезы и умывшись, он позвал сводного брата отца Хныша. В слишком непростом положении оказался юноша, чтобы принимать самостоятельное решение о дальнейших действиях.

– В первую очередь надо отправить еще одного гонца к твоему дяде Батаху, – предложил тот. – Посланный твоей матерью сразу после налета воин мог быть перехвачен горцами. Затем нужно потушить пожары и похоронить убитых. Но прежде обезопасить себя дозорами на случай нового нападения. Люди мною уже подготовлены и ждут только приказа.

– Действуй! – распорядился Азам, обретая постепенно уверенность. – Еще отправь кого-нибудь к черному камню, я оставил там убитого вчера оленя.

Юноше очень хотелось сразу же наказать горцев каспиев за их вероломство, но он сдержался, намереваясь дождаться приезда дяди. Батах со своей дружиной появился на следующее утро. Но когда Азам предложил ему сегодня же выступить против разбойников, тот посоветовал племяннику не спешить.

– Если твой отец прав и нападение дело рук Уазыра, покарать убийц будет непросто, – предупредил юношу дядя. – Да и сил у нас для этого сейчас маловато, ведь говорят, нападавших было не меньше двух сотен. Поэтому не стоит топиться.

– А чего ждать? – спросил гневно Азам. – Чтобы эти негодяи повторили набег?

– Не горячись!.. Я немедленно разошлю гонцов к хамхатским дварам и обещаю, что через два дня у нас будет не меньше пяти сотен воинов. А ты съезди к Уазыру и попроси у него помощи.

– К этому убийце?! – возмутился племянник. – Не поеду!

– Но его участие в гибели твоего отца еще нужно доказать, – попытался переубедить юношу Батах. – Вот если он откажется тебе помочь, у нас уже появится повод говорить о его причастности к нападению горцев. К тому же Уазыр пока не должен догадываться, что тебе что-то известно. Иначе следом за Кинтасом он попытается расправиться с тобой.

– Я не боюсь подонка и в Артан не поеду! – упрямо заявил Азам.

– Хорошо, я съезжу туда сам. А ты встречай хамихатских дваров и займись горцами. Только помни, что обязательно нужны их показания против Уазыра. Без неопровержимых доказательств нам его не одолеть.

Однако найти участников нападения оказалось труднее, чем они предполагали. В горных селениях Азама встречали только старики, женщины и дети, все мужчины, испугавшись расправы, покинули дома и скрывались в горах. Все расспросы о мятежниках у случайных пленников тоже ни к чему не привели. Спалив больше для острастки, чем из-за грехов их жителей, пару селений, сыну Кинтаса пришлось ни с чем вернуться домой.

К тому времени уже приехал из Артана Батах. Уазыр передал через него свои соболезнования Азаму, но на этом помощь опекуна малолетнего алдара закончилась. Причем он настоятельно посоветовал свояку Кинтаса убедить племянника действовать осторожно и осмотрительно, чтобы не вызвать всеобщего недовольства среди горцев.

– ...Я не смогу вам помочь, если горцы решат всерьез взяться за оружие, – заявил ему опекун алдара, прощаясь. – Сейчас не время ворошить осиное гнездо...

Последние слова Уазыра не оставили у Батаха никаких сомнений в его причастности к случившемуся нападению горцев. Но явных доказательств, к сожалению, не было.

– А мне они не нужны! – воинственно заявил дяде Азам. – И так ясно, кто главный виновник смерти отца, и я клянусь

всеми нашими богами, что обязательно ему отомщу!

Высказался в подобном духе юноша и на похоронах отца, поклявшись на его могиле расправиться не только с убийцами Кинтаса, но и с их покровителем Уазыром. Такое неосторожное заявление в присутствии хамихатских дваров сильно встревожило Батаха. Он не сомневался, что вскоре о нем будет известно Уазыру, и тогда вопрос гибели племянника станет делом времени.

– Самым разумным было бы сейчас отправить его за Краукасис к моему побратиму Баиру, – посоветовал он Ахумиде, рассказав о своих опасениях. – Но боюсь, Азам не согласится.

Ахумида отнеслась к его предостережению со всей серьезностью. Потерять вслед за мужем единственного сына ей совсем не хотелось. Она попросила Азама хотя бы временно воспользоваться советом дяди. Тот с юношеской горячностью заупрямился, не желая ничего даже слышать о похожем на бегство отъезде. Тогда на помощь сестре жены пришел Батах.

– Оставаясь здесь, ты подвергаешь опасности не только себя, но и всю родню. А если уедешь, то Уазыр вряд ли решится на новое нападение. Мы же за это время постараемся найти доказательства его причастности к гибели Кинтаса и убедить дваров, – пояснил он племяннику. – После чего тот уже не осмелится так открыто поддерживать горцев. А мы, имея на руках неопровержимые улики, или сами добьемся нака-

зания Уазыра или обратимся за помощью к Томирис. Мой побратим гуданский двар обладает кое-каким влиянием при дворе царицы, так что ей придется вмешаться. Тогда Уазыру и его двоюродный брат Таксакис не поможет.

Доводы дяди в конце концов поколебали уверенность Азама. Хотя он считал, что самым правильным было бы действовать точно так же, как Уазыр, натравив на того горцев табалов³⁶. Все отлично знали, что отношения Уазыра с проживающими на его землях табалами далеки от взаимопонимания. Вот только как это сделать, сын Кинтаса плохо представлял.

– Тогда тебе тем более надо встретиться с Баиrom, у которого много знакомых и есть даже родственники среди табалов, – заметил Батах, услышав о замысле племянника. – Так что поездка к нему может оказаться для тебя полезной. А сюда вернешься весной, и если не получится с табалами, мы решим, как действовать дальше. К тому времени, надеюсь, все уже прояснится.

Последние слова дяди заставили Азама всерьез задуматься над поездкой к гуданскому двару. Единственное, что его сейчас удерживало – беспокойство за судьбу матери и сестер. Но Батах пообещал, что оставит для их охраны пять десятков воинов.

³⁶ Предки двалов. Тубалами часть адыгейцев называла население Мегрелии, древней Эгреси (Табал – одно из царств Хеттской державы, упомянутое в Библии).

– ...Их вполне хватит, чтобы обезопасить ваше селение от новых набегов, – заверил он племянника. – К тому же узнав, что ты уехал, горцы сюда вряд ли сунутся.

Несмотря на обещания и заверения дяди, тревога за судьбу близких людей не покидала Азама. С тоской на душе и щемящим сердцем посмотрел он в последний раз на родное селение и развернул коня в сторону белоснежных вершин Краукасиса, которые ему предстояло преодолеть.

Глава седьмая

Домой Таксакис так и не доехал. Оказавшись в долине Арага, он услышал о смерти царицы и повернул в Саркан. Хотя алхонский алдар был уже внутренне готов к этому печальному известию, все равно оно подействовало на него угнетающе. Ведь когда-то, после смерти первого мужа, Томирис могла стать его женой.

«С одних похорон на другие, – удрученно подумалось старому алдару. – Кто следующий?!»

Необычно суетливый и взволнованный Скун встретил слезавшего с коня Таксакиса с чувством явного облегчения. После смерти тетки он старался держать обстановку под контролем, но это у него плохо получалось. Больше всего тревог доставляли происки сторонников двоюродного брата Баграма, да и поведение других дваров настораживало главного претендента на царскую власть.

– До меня дошли слухи, что лихонские³⁷ двары что-то затевают, – сразу пожаловался он Таксакису. – Ты бы съездил к своему родичу Самару, выяснил.

– Хорошо, съезжу! – неохотно пообещал тот. – Только вначале немного передохну. В моем возрасте уже не так легко переносятся эти переезды.

Тем более что Таксакис очень сомневался в серьезности

³⁷ Лихоны – название хонов, живущих в Лихских горах.

опасений Скуна по поводу лихонов. Еще с тех времен, когда их предки сюда переселились, хоны всегда действовали сообща, помня о своем кровном родстве. Даже нынешние племенные разделения не смогли стереть память о былом единстве. Именно умение сосредоточивать силы в нужном направлении и помогло им когда-то не только закрепиться в горах Краукасиса, но и вскоре подчинить соседей – племена инапиев и танаитов³⁸, а чуть позже и массагетов, составивших тогда основу Киммерийского союза.

Приходясь внуком царю массагетов, алдар хонов Спарг³⁹ возвысил соплеменников над всеми племенами. Ему присылали дары цари Колхаты и Урарту, а древняя Мана признала зависимость от скифов, лишь бы те помогли ей отбиться от ассирийцев. К сожалению, в одном из сражений царь Спарг погиб, но его смерть не стала причиной распада созданного им царства. Вскоре его сын Бор⁴⁰ даже женился на дочери царя⁴¹ Ассирии, став союзником этой великой державы.

Потом на протяжении почти пятидесяти лет скифы являлись надежными помощниками ассирийцев, наводя своими

³⁸ Племена предгорий и степей Северного Кавказа (от имени инапиев произошло современное название города Анапы).

³⁹ В ассирийских текстах Ишпакай.

⁴⁰ Паруйре – в армянских источниках, Бартатуа или Прототий – в греческих источниках.

⁴¹ Асархаддон, правивший в 681 – 669 г. до н. э.

набегами ужас на их врагов⁴². Но нет ничего вечного в мире, и после разгрома мидийцев⁴³, угрожавших Ассирии, скифы стали представлять реальную угрозу для нее самой. Союзники рассорились, и через несколько лет Ассирийское государство перестало существовать, но и для скифов настали тяжелые времена. Мидийский царь Киаксар, исправно плативший им дань, как-то пригласил скифских вождей к себе на пир и всех их там перебил.

Что последовало затем, Таксакис знал уже не понаслышке. Среди оставшихся в живых наследников Мадия, сына Бора, разгорелась борьба за власть, и еще совсем недавно могучее царство развалилось. Алхонский алдар не хотел повторения подобного несчастья, поэтому на следующий день отправился к сыну двоюродного брата.

Самар встретил дядю радушно, сразу усадив за стол, где подвыпившие лихонские двары шумно приветствовали появление нового гостя. Выпив за здоровье Таксакиса, они затянули протяжную как степная дорога песню, и тот понял, что о серьезном разговоре на сегодня можно забыть.

Только поздним вечером, когда гости наконец уgomонились и разошлись спать, Таксакис не удержался и напрямую спросил хозяина, о слухах, сообщенных Скуном. И сразу

⁴² Скифские походы в Лидию и Египет всего лишь карательные экспедиции организованные ассирийцами.

⁴³ В 624 г. до н. э. скифы, придя на помощь ассирийцам, разгромили войска царя Фраота, после чего мидийцы 28 лет платили им дань.

на востроносом лице Самара промелькнуло выражение смущения и растерянности.

– Ничего такого не затеваем, – неохотно признался он. – Просто все меняется вокруг нас, и мы тоже не должны стоять на месте. Ты же знаешь, стоячая вода протухает.

– Это ты о чем?

– О том, что Колхатское царство почти развалилась, и пришло время заняться его землями, пока ими не завладел кто-то другой. Также нам давно пора как следует проучить дрилов⁴⁴, которые недавно опять разорили несколько наших селений.

– Задирать их сейчас не в наших интересах, – поспешил возразить ему Таксакис. – По всей вероятности, в ближайшее время нам опять предстоит тяжелая война с персами.

– А ты думаешь, дрилы не захотят воспользоваться случаем и ударить нам в спину, когда мы будем отбиваться от персов?

– И что ты предлагаешь?

– Заранее себя обезопасить! Мы понимаем, Скуну сейчас не до войны с дрилами и колхатами, поэтому мы хотим иметь своего алдара.

Его заявление, скорее похожее на требование, сильно озадачило Таксакиса. С другой стороны, было ясно, что, пообещав Самару помочь стать лихонским алдаром, они со Скуном приобретут надежного союзника. Смущало только, что

⁴⁴ Одно из горских племен в верховьях Куры, союзное саспирам.

отделение лихонов уменьшит количество хонских дваров среди массагетов. А это могло оказаться чревато большими неприятностями в будущем.

Уже более двухсот лет хоны жили среди массагетов. Но, даже несмотря на такой значительный срок, противоречия с бунами, как называли местных дваров, все еще оставались. Особенно там, где бунские роды оказались в зависимом от хонов положении. Хотя бунской знати делить с хонами было нечего, не учитывать подобных обстоятельств Таксакис не мог.

Понимая, что лихонские двары и без их согласия могут избрать алдара, он пообещал Самару уговорить Скуна. Сразу предупредив родственника, что его избрание алдаром последует лишь за утверждением племянника Томирис царем. Старый алдар решил, что перед персидской угрозой разногласия среди хонов совсем ни к чему. А что будет дальше – лет, скажем, через двадцать, – знают одни боги.

Естественно, Скуну требование лихонских дваров очень не понравилось. Но, понимая, что такая уступка сделает их надежными союзниками, он согласился. К тому же после смерти Томирис алдаром массагетов должен был стать не он, а внучка Таксакиса. Правда, она была его нареченной невестой, но ведь еще не женой. Так что вмешиваться во внутренние дела массагетов он не хотел, да и не имел права.

– Если ты как опекун внучки одобряешь желание лихонов, я тоже не стану возражать, – заявил он Таксакису.

Сразу перейдя к обсуждению предстоящих похорон Томирис. Царица завещала похоронить себя на берегу Хоны на родовом кладбище массагетских царей, рядом с могилой ее первого мужа Спарга. Скун исполнил последнюю волю тетки, приготовив для нее отдельную могилу, хотя та хотела лежать вместе с сыном, что являлось нарушением древних обычаев.

– Думаю, Томирис нас простит, если будет покоиться лишь рядом со Спаргапитом, – успокоил его алхонский алдар. – Если бы она пожелала лежать в одной могиле с мужем – тогда другое дело.

Погода в день похорон выдалась на удивление тихой и солнечной. Все вокруг дышало осенним умиротворением и покоем. Создавалось впечатление, что сама природа скорбела по умершей царице вместе с собравшимися проститься с ней тысячами людей.

– Ты не погорячился, положив в могилу все ее драгоценности? – спросил Таксакис у стоящего рядом опечаленного Скуна. – Там Томирис могла бы обойтись и частью своих украшений, а на остальные лучше бы снарядил несколько сотен воинов.

– Но я ведь ей обещал! – пояснил тот, внимательно следя за слугами, расставлявшими в могильной яме домашнюю утварь, чтобы те чего-нибудь не стащили. – Хотя теперь, наверное, придется охранять могилу от грабителей...

Рассказывая Таксакису, как они обнаружили неподалеку

несколько разграбленных могил, Скун ни на минуту не забывал о предстоящем послезавтра собрании. Многие его участники присутствовали на похоронах, желая проститься с царицей, справедливо пользовавшейся общей любовью и уважением. Их хмурые, огорченные лица говорили об этом лучше всяких торжественных речей.

«Добьюсь ли я когда-нибудь такого же уважения?» – промелькнула беспокойная мысль у племянника Томирис.

То, что его послезавтра изберут царем, он уже не сомневался. Сегодня утром Скуну доложили, что Баграм окончательно отказался от приезда в Саркан. А без его личного присутствия на собрании претензии гартманского алдара на власть вряд ли будут всерьез обсуждаться.

Однако собрание началось не так гладко, как предполагал Скун. Далийский алдар Шимас сразу стал настойчиво требовать, чтобы кандидатура Баграма тоже рассматривалось, причем его шумно поддержала часть бунских дваров массагетов.

– ...Избрав царем гартманского алдара, мы можем избежать войны с персами, – горячо и напористо доказывал Шимас. – Лишь Баграм сможет с ними договориться.

– Вот только захотят ли они его слушать?! – возразил Таксакис, возглавлявший собрание, как старший по возрасту. – Я лично сомневаюсь. Персам нужен не мир, а наша покорность и наши земли.

К счастью, большинство собравшихся дваров и алдаров

придерживались того же мнения. А бывший спаспат⁴⁵ Армис, поселившийся с сагартями и беглецами из других мидийских племен на землях Каспианы, даже обвинил дальийского алдара в предательстве.

– Кому-кому, а тебе бы лучше помолчать! – заявил возмущенный его обвинением Шимас. – Именно из-за тебя у нас такие плохие отношения с персами.

Армис не оставил оскорбления без ответа, и оба вскочили готовые наброситься друг на друга. Земли, занятые беглецами из Мидии, граничили с владениями дальийцев⁴⁶, поэтому у них и без того были натянутые отношения. Только решительный и гневный окрик Таксакиса охладил пыл зарвавшихся алдаров.

– Хватит!.. Или я прикажу вас обоих вывести отсюда! – пригрозил он сурово. – Мы собрались не для того, чтобы выслушивать вашу ругань. Давайте вначале изберем царя, и пусть он решает ваши споры согласно нашим законам и обычаям.

После его угрозы страсти в зале утихли и собравшиеся почти единодушно договорились, что только Скуну они могут доверить царскую корону. Причем несогласные с таким решением двары и алдары просто-напросто промолчали. По обычаю, признание царя у саков должно быть обязательно единогласным.

⁴⁵ Спаспат царя Бардии убитого персами.

⁴⁶ Одно из сакских племен, предки современных талышей.

Выдержав небольшую паузу и не услышав возражений против избрания Скуна, Таксакис передал ему украшенную драгоценными камнями золотую корону. Этот символ власти появился у саков недавно, начиная с коронации Амирга, который не захотел ни в чем уступать мидийским царям. А исконным знаком власти у саков считалась булава – у алдаров и вождей отдельных племен серебряная, а у царя золотая.

Таксакис передал царскую булаву Скуну вслед за короной. После чего новоизбранный царь поклялся собравшимся в зале алдарам и дварам защищать их интересы от любых посягательств и вершить суд по справедливости согласно обычаям и законам. Под конец речи он объявил о признании им права алгетов и лихонов иметь своих алдаров, кратко пояснив, чем вызвано такое решение.

Когда новоизбранный царь закончил говорить, к нему подошел Таксакис и, поклонившись, первым из алдаров присягнул на верность. За ним клятву верности Скуну поспешили принести все остальные алдары и двары массагетов. К тому месту в зале, где стоял царь, сразу выстроилась очередь.

– Если так пойдет дальше, то у нас скоро алдаров будет как звезд на небе, – пошутил Шимас, стоя за своим тестем будухским алдаром Гиваром.

– Меня больше беспокоит затея лихонов по поводу дрилов и колхатов, – признался тот озабоченно. – Как не слабы дрилы и колхаты, война с ними дело рискованное. И мне со-

всем не хочется быть в нее втянутым.

Глава восьмая

Вернувшись с выборов сакского царя сильно расстроенным, Баир сразу позвал Азама. Надежды гуданского двара на избрание Баграма не оправдались, и теперь он не знал, что делать. Ему было ясно, что очень скоро Таксакису станет известно, где скрывается сын Кинтаса. Тогда Баиру ничего не останется, как только с оружием в руках защищать жизнь юноши и свою честь. По обычаю, хозяин не мог оставить гостя без защиты.

А то, что, убив отца, они захотят расправиться с сыном, Баир не сомневался. Тем более что алхонский алдар уже давно зарился на его земли и не упустит такого удобного случая. Самым правильным было бы отослать племянника побратима к гартманиям или саспирам⁴⁷. Но как это сделать?

– К сожалению, мы проиграли, царем избран Скун, – огорченно признался гуданский двар юноше. – Хуже того, моя поддержка Баграма, похоже, не останется без последствий. Боюсь, как бы мне самому не пришлось бежать или братья за оружие. Поэтому я хочу отправить тебя с поручением к алдару саспиров Аморгу. Ты расскажешь ему, что здесь произошло, и поживешь у него немного, пока все не прояснится.

– Тогда мне лучше, наверное, вернуться домой, – возразил

⁴⁷ Сакские племена союзные персам.

подавленно Азам. – Я ведь там, у саспиров, никого не знаю...

– Это не важно! Их алдар твой ровесник, думаю, вы быстро найдете общий язык. К тому же его дядя из авхатских хавсаров⁴⁸, и надеюсь, не откажется помочь соплеменнику. Кстати, они оба твои дальние родственники, ведь Уасби, кажется, приходился двоюродным братом Амиргу.

Слова Баира поколебали уверенность юноши сразу отказаться от поручения гуданского двара. Но все же ехать к саспирам Азаму страшно не хотелось. Поэтому, прежде чем принять окончательное решение, он поинтересовался, когда сможет вернуться на родину.

– Думаю, не позже начала лета я пришлю за тобой человека, – пообещал Баир, почувствовав, что ему удастся уговорить парня. – К тому времени я постараюсь договориться с табалами и найти тебе людей, готовых выступить против Уазыра.

После такого обещания Азам не стал больше упираться и уже на следующий день покинул празднующую избрание царя столицу массагетов. Его проводник, пожилой, молчаливый пастух, переправившись через Хуру, сразу направил коня в сторону Алгетских⁴⁹ гор. Он пригнал на продажу отару овец и теперь спешил до наступления зимы вернуться домой, после того как проводит юношу до Палайского озера.

⁴⁸ Точнее кавдасарды, одно из сословий Осетии, дословно «рожденные в хлеву», сословие незаконнорожденных от наложниц и рабынь.

⁴⁹ Триалетский хребет.

– Так будет безопаснее! – пояснил племяннику побратима гуданский двар. – А там ты найдешь другого проводника.

Но добравшись до озера, Азаму пришлось пожалеть, что он послушал Баира. Найти в тех малолюдных местах проводника оказалось непросто. С большим трудом ему удалось уговорить одного старика за большую плату проводить его до Аспарского озера, где уже начинались земли саспиров. Там проводник сразу покинул юношу, и дальше ему пришлось идти одному.

Зима в этих пустынных местах, где трудно отыскать даже дров для костра, очень суровая и холодная. Азаму просто повезло, что еще до темноты он набрел на одинокую хижину, где укрылся от ночного мороза. Его радушный хозяин даже пообещал проводить заблудившегося путника, которым тот представился, до ближайшего селения.

Оттуда юноша уже без труда добрался до небольшого городка Гимриса, где с осени до весны проживал алдар саспиров. После многолюдного и шумного Саркана, сонный Гимрис с его узкими грязными улочками показался Азаму ужасно убогим, и сыну Кинтаса захотелось домой.

Солсис встретил соплеменника в мрачном настроении, ему только что доложили о разорении массагетами нескольких приграничных селений. Но привезенные Азамом новости заставили его приветливее отнестись к дальнему родственнику. Известие о смерти Томирис могло многое изменить, и он, предложив гостю отдохнуть с дороги, поспешил

сообщить обо всем алдару саспиров.

– Думаешь, они предложат мне стать царем? – с явным сомнением в голосе поинтересовался Аморг.

– Царем они уже избрали алдара утиев Скуна. Но он не имеет никакого отношения ни к их прежним владыкам, ни к роду Амирга. Чем, как я понял, недовольна часть массагетских дваров.

– Ты хочешь, чтобы мы их поддержали? – испуганно спросил племянник. – Но ведь это приведет к войне с саками.

– Пока я только хочу заявить о твоих правах как внука Амирга на царскую власть. А там посмотрим. Что же касается войны, то она уже идет. Сегодня мне доложили, что саки опять разорили несколько наших селений.

Предложение дяди Аморг воспринял без особого энтузиазма. С таким же успехом он мог заявить о правах на мидийскую или персидскую корону. Но какой в том прок, если и так ясно, что большинство саков царем алдара саспиров не признает.

В отличие от племянника Солсис придерживался иного мнения. Он предполагал, что смерть царицы и выборы нового царя обязательно обострят разногласия между племенами. Если с умом воспользоваться недовольством части сакской знати можно будет, по крайней мере, обезопасить свои границы. Тем более что Скун вряд ли станет сдерживать этих шакалов от набегов на земли соседей, как делала Томирис.

– Думаю, мне надо съездить и переговорить с Бадрисом⁵⁰. Смерть Томирис не может его не заинтересовать. Ведь именно из-за строптивной жены Амирга ему пришлось когда-то покинуть родину.

– А не лучше ли отправить к нему нашего гостя? – предложил Аморг, побаиваясь надолго оставаться один в такой непредсказуемой обстановке. – К тому же я не хочу, чтобы нас потом упрекали, что мы развязали войну с саками.

– Конечно, можно отправить этого парнишку. Но я хотел попросить у сатрапа Армины⁵¹ хотя бы тысячу воинов. Боюсь, что без его помощи весной нам будет не обойтись. Да ты не беспокойся, я не собираюсь там долго задерживаться.

Целых семь дней понадобилось Солсису, чтобы добраться заснеженными горными тропами до ставки Бадриса. Назначенный сатрапом⁵² Армины, дядя Дария обосновался в землях матиенов, как наиболее беспокойного из находившихся под его управлением народов. Выступления против персов там не прекращались по сей день.

– Ты думаешь, мы можем рассчитывать на серьезную поддержку среди саков, если выступим против Скуна? – полюбопытствовал Бадрис, внимательно выслушав новости, привезенные Солсисом.

⁵⁰ Бадри, брат Амирга, подробнее о нем смотрите в предыдущей книге.

⁵¹ Персидская сатрапия, находившаяся на стыке современного Ирана, Турции, Сирии и Ирака.

⁵² Точнее, кшатрапас – хранитель царства.

– Серьезная она будет или нет, сейчас сказать трудно, – признался гость осторожно. – Но то, что на какое-то число дваров мы можем рассчитывать, я не сомневаюсь. К тому же юноша, который привез мне эти известия, правнук Уасби. Если мне не изменяет память, он нам обоим придется родственником.

– Да, Уасби был нашим с Амиргом двоюродным братом, – задумчиво подтвердил сатрап Армины. – Но авхаты живут за Краукасисом и вряд ли смогут нам чем-то помочь. Хотя лишить саков их верных союзников было бы неплохо. Ведь Томирис удалось разгромить армию Кира именно благодаря помощи из-за Краукасиса.

– Об этом я сразу и подумал! – согласился с ним Солсис, который перешел на сторону саспиров еще до той знаменитой битвы, поэтому был хорошо обо всем осведомлен. – Тем более что мы можем лишиться наших союзников – дрилов. Как сообщил Азам, массагеты намереваются в ближайшее время на них напасть.

Последнее известие насторожило Бадриса. Захватив владения дрилов, саки могли соединиться с все еще сопротивлявшимися марами. Даже после гибели Рамбаза те не сложили оружие, а, объединившись с местными племенами, продолжали угрожать землям его сатрапии. Так что опасность такого развития событий не могла не встревожить сатрапа Армины.

Несмотря на реальность угрозы, Бадрис не стал делать по-

спешных выводов, прекрасно сознавая, что война с саками вызовет серьезные возражения при царском дворе. Положение в стране еще оставалось не настолько прочным, чтобы окружение Дария согласилось на такой шаг без сопротивления. Причем доводы их будут выглядеть намного весомее его призрачных опасений, ведь все предыдущие войны с саками очень дорого обходились как мидийцам, так и персам.

Решив все как следует обдумать, сатрап Армины предложил своему родичу погостить у него. Но Солсис отказался.

– ...Слишком беспокойно сейчас на границе, – пояснил он. – А по весне будет еще хуже. Так что без твоей помощи нам опять не обойтись.

– Ничего! Мы с тобой и не из таких передраг выходили победителями. Помнишь, как после победы над Киром Томирис решила истребить всех саспиров?..

– Такое не забудешь! Мне ведь тогда просто чудом удалось выжить. По сей день полученные под Гимрисом раны не дают покоя, особенно перед дождем.

– В тот день мы их тоже неплохо покروшили!.. В общем, так, сейчас у меня свободных воинов нет. Но не позже чем через месяц я пришлю тебе три сотни всадников. А к весне, если мне не удастся убедить Дария выступить против саков, в твоём распоряжении будет еще полтысячи воинов.

Бадрис надеялся, что к весне он сможет окончательно подавить выступления матиенов и сагартиев. Кроме них и саспиров в его сатрапию входили еще алародии, армении и мел-

кие племена на границе с Киликией и Каппадокией. Там обстановка была тоже напряженной, но в основном из-за беспокойных соседей.

Однако сейчас сатрапа Армины больше всего тревожили сагартии, которых по распоряжению персидского царя следовало всех переселить в Карманию. Основную часть проживавших на его землях кочевников удалось отправить туда еще в прошлом году. С теми же, кто успел укрыться в горах, дело обстояло сложнее. Походы против них чаще всего заканчивались пленением двух—трех сотен человек и таким же количеством погибших в засадах воинов Бадриса.

– Мы теряем в этих проклятых горах лучших людей! – возмутился, вернувшийся из очередного похода Даврис. – Тебе следует поговорить с Дарием...

– Я и без тебя знаю, что мне делать! – резко перебил сына Бадрис.

Он уже давно понял, что военные действия против сагартиев могут затянуться на долгие годы. Нужно было искать другие пути решения данной проблемы, но хазарпат⁵³ Отан о них даже не хотел ничего слышать. Так что дальше откладывать свою встречу с Дарием было неразумно. Тем более что через несколько дней стало известно о захвате саками земель дривов, о чем предупреждал сатрапа Армины приезжавший недавно Солсис.

В то время двор персидского царя все еще находился

⁵³ Высшая должность при персидском дворе (дословно «великий глава»).

в Акбатанах. Его пребывание там благоприятно сказалось на облике мидийской столицы. В городе исчезли почти все следы пожаров и разрушений, вызванные двумя недавними штурмами. Так что, проезжая городскими улицами, Бадрис не переставал удивляться произошедшим здесь переменам.

Дарий, считавший себя многим обязанным Бадрису, встретил его очень приветливо, сразу предложив дяде разделить с ним трапезу.

– Только давай за обедом не говорить о делах, – попросил он, смущенно улыбнувшись. – Я и так устал от постоянных проблем, что хочется хотя бы за едой о них не думать.

Тем не менее желанию царя не суждено было сбыться. Только они сели за стол, как пришел Отан с известием о новом мятеже в Эламе.

– Ну вот! Как тут не заработать несварение желудка, – пошутил Дарий, но по его побледневшему лицу было видно, что он встревожен.

На сей раз мятеж подняли сами эламиты, избрав вождем Атамаита, находившегося в родстве с последними царями Элама. Восставших поддержало не только население Суз, но и жители соседних областей, которые первыми отказались платить персам отмененные Бардией на три года подати.

– Я предупреждал Гобрива, что так оно и будет, но вы меня не послушали, – не удержался Отан, напомнив царю их недавний спор насчет преждевременного восстановления

податей. – Пусть теперь багапат⁵⁴ сам и подавляет вспыхнувший мятеж.

– Хорошо, я поговорю с ним сегодня же, – пообещал Дарий, пригласив хазарпата с ними отобедать.

В отличие от Бадриса Отан не слышал просьбы царя не говорить за столом о делах. Поэтому сразу же начал расспрашивать сатрапа Армины о том, что привело его в мидийскую столицу. Дяде царя ничего не оставалось, как обо всем рассказать.

– О походе против саков⁵⁵ сейчас не может быть и речи, – заявил решительно хазарпат, расправляясь с жареной уткой. – Тем более что у нас с ними заключен мирный договор. Возможно, года через два-три мы и сможем наказать их за укрывательство мидийцев, но не раньше.

– За это время сакский царь укрепит свои позиции, и одолеть его будет намного труднее. К тому же, несмотря на мирный договор, войну с нами они так и не прекратили. Или, может быть, их постоянные набеги, изгнание друинов и начавшаяся война с колхатами является проявлением дружеских чувств?

– Я всегда был против каких-либо договоренностей с мерзавцами! – поддержал дядю Дарий. – И чем раньше мы с ними разберемся, тем спокойнее будет на северных границах.

– А мятежный Элам?! – напомнил хазарпат. – Да и в дру-

⁵⁴ Глава казначеев.

⁵⁵ Еще раз повторюсь, что персы всех скифов называли саками.

гих сатрапиях у нас все еще беспокойно.

– Усмирить Элам до весны нам вполне по силам, – сразу возразил ему Бадрис. – Раньше мы все равно поход за Аракс начать не сможем. Что касается других сатрапий – то там будет беспокойно еще несколько лет. Так что, все это время смотреть, как саки истребляют наших союзников и разоряют приграничные земли?

– А как же договор, заключенный Интафреном?! Он ведь поклялся не нарушать мир от имени персидского царя.

– Саки первыми его нарушили, предоставив убежище беглым мятежниками, – раздраженно заметил хазарпату Дарий. – Да еще посмели мне угрожать. Или ты забыл, что ответила Томирис через Скуна нашим послам!

– Все же я против похода! – продолжал упрямо настаивать Отан. – И думаю, большинство на совете меня поддержит.

– Хорошо, давай соберемся завтра и обсудим предложение Бадриса, – согласился Дарий. – Как ты знаешь, я не сторонник поспешных решений.

– Мне бы хотелось отложить его рассмотрение на несколько дней, – попросил хазарпат. – Сейчас у меня слишком много других неотложных дел.

Почувствовав, что Дарий явно на стороне дяди, Отан решил, как следует подготовиться, для чего нужно было время. К тому же он полагал, что на обсуждении вопроса о войне с саками должен обязательно присутствовать Интафрен, который после подавления прошлогоднего мятежа все еще на-

ходил в Вавилонии.

Глава девятая

Приезд Бадриса нарушил обычный распорядок дня персидского царя. Засидевшись с дядей до позднего вечера, он только к полуночи появился на женской половине дворца. Оказавшись женатым кроме Артистоны еще на вдовах царей Камбиса и Бардии, Дарий старался никого из них не обижать, навещая каждую по очереди. Сегодня ему предстояло провести ночь у Федимы, но идти к ней не хотелось.

«Опять придется выслушивать упреки и жалобы», – раздраженно подумалось Дарию, который уже успел познакомиться со сварливым характером дочери Отана.

Задержавшись на мгновение у двери Федимы, он прошел мимо, направившись в покои Артистоны.

Уже прошло полгода, как та с детьми приехала в Акбатаны, и за все это время она так и не смогла свыкнуться с мыслью, что теперь супруг принадлежит не только ей одной. Хотя Дарий явно отличал свою первую жену, навещая Артистону чаще других, что не очень помогало.

Разумеется, сама дочь Гобрия его ни в чем не упрекала, но он слишком хорошо знал ее характер, чтобы не замечать происходивших в их отношениях перемен. Дарий чувствовал, что с каждым днем она все дальше отдаляется от него, и это его сильно беспокоило.

Артистона встретила мужа, как обычно, словно они

и не расстались с ним на целых два дня.

– Сегодня у Гобрия прорезался еще один зубик, – радостно сообщила она мужу, помогая снять тяжелые царские одежды. – А Арсам произнес целую фразу...

Слушая ее рассказы о шалостях детей, Дарию показалось, что вернулись прежние времена, когда их счастье ничего не омрачало. Но в следующее мгновение любимая упомянула о дочери Бардии Пармисе, и сразу стало понятно, что его ощущение всего лишь иллюзия.

Пармисе шел всего шестой год, когда Дарию пришлось на ней жениться. Как правнучка Кира она могла представлять в будущем угрозу, поэтому заговорщики решили подстраховаться.

Мать Пармисы, узнав о гибели мужа, наложила на себя руки. Правда, ходили слухи, что не без помощи Федимы, которая люто ненавидела первую жену Бардии. Так или иначе, после смерти Пармиды дочь Отана перенесла свою ненависть на Пармису. Приехав в Акбатаны, Артистоне стало жаль сироту, и она попросила мужа отдать ей девочку.

– Ты же знаешь, я давно мечтаю о дочке...

Дарий не смог отказать любимой, и теперь дочь Пармиды жила вместе с их сыновьями. Что оградило ребенка от грубых нападков Федимы, которая теперь еще сильнее возненавидела дочь Гобрия. С этого времени склоки на женской половине уже не прекращались, доставляя царю много неприятностей.

Вот и сегодняшнее неурочное посещение Артистоны не осталось без последствий. На следующий день Федима силой прорвалась к Дарию и устроила ему очередную истерику. Персидскому царю даже пришлось прибегнуть к силе, чтобы выставить ее за дверь.

– Не знаю, что мне с ней делать?! – пожаловался он дяде, бывшему свидетелем безобразной сцены.

– Взять плеть и отхлестать ее как следует! – посоветовал тот. – Жену, как лошадь, нужно сразу приучать к покорности. Иначе толку не будет.

– Не могу я так... К тому же она ведь дочь Отана...

– Она, прежде всего, твоя жена и должна знать свое место...

Дарию подумалось, что дяде легко советовать. Говорят, даже Бардия не стал связываться с Федимой, а просто лишил ее своего внимания. К сожалению, такое решение вопроса для сына Гистаспа было неприемлемо. Ему и так хватало проблем с хазарпатом, чтобы добавлять к ним еще обиду за пренебрежение к его дочери.

– Тогда будь готов, что скоро она станет тобой понукать, – выслушав опасения племянника, предупредил Бадрис. – Поверь, рано или поздно тебе все равно придется отказаться от услуг возомнившего о себе не весть что Отана. Хотя бы уже потому, что он никогда не сможет забыть, что сам мог стать царем.

– Но я ему слишком многим обязан...

– Как и всем остальным, кто за тебя сражался. Что само по себе не дает им право чего-то от тебя требовать. Ты царь, и никто не смеет указывать, как поступать тебе в том или ином случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.